

На правах рукописи

БАЛАКИН Сергей Владимирович

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКА

10.02.19 – теория языка

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора филологических наук

Пермь – 2018

Работа выполнена в Федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Научный консультант	доктор филологических наук, профессор Нефедова Лилия Амирянвна
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Богданова Людмила Ивановна (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова») доктор филологических наук, профессор Шишигин Кирилл Александрович (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет») доктор филологических наук, профессор Данилина Наталия Ивановна (ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского»)

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

Защита диссертации состоится «04» октября 2018 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Учёного совета.

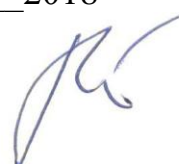
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

И. Ю. Роготнев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение эволюционных явлений в языке опирается на давние, сменяющие друг друга в зависимости от целевых установок, традиции. Современная лингвистика ставит перед исследователями ряд комплексных вопросов, среди которых в первую очередь можно выделить проблемы раскрытия ментальных основ деривации и их роль в формировании лексико-грамматического состава языка.

Современная теория деривации представляет собой синтез традиционного понимания проблемы (А. В. Бондарко (1978, 1992), Т. В. Булыгина (1977), Н. Д. Голев (1989), Е. Курилович (1962), Л. Н. Мурзин (1990, 1991), Р. З. Мурясов (1987, 1990), А. В. Никитевич (1976), М. Г. Шкуропацкая (2004) и др.) с активно развивающимся когнитивным подходом в языкознании (В. В. Алпатов (2007a, 2007b), Л. В. Бабина (2003a, 2003b), Е. С. Кубрякова (1974a, 1985, 1991), М. Н. Лапшина (1996), Е. М. Познякова (1999) и др.), в результате чего формируется методологическая база исследования концептуальной деривации. В этом случае изучается взаимодействие концептуальных структур при языковых изменениях, выявляются мыслительные процессы, определяющие ход деривационных процессов на различных уровнях языковой системы. По отношению к центральным проблемам когнитивизма, парадигма исследования деривации изучается не столь широко, поэтому необходимо всеобъемлющее изучение, затрагивающее различные языковые единицы.

Основные причины деривационных процессов – антропоцентризм языка, его эволюция, стремление к экономии. Меняющаяся внеязыковая действительность также подталкивает язык к модификации за счет дальнейшей концептуальной и категориальной обработки внешней информации. Происходит вторичное наименование нового/обновленного объекта. При этом языковая система сохраняет свою целостность за счет своей способности к переструктуризации словообразовательных и словоизменительных элементов.

Деривации подвержены все языковые единицы, однако изменения в первую очередь сопряжены с ее внутренней формой. Поэтому изучение деривационных процессов связано с вопросами морфологии и семантики языковых единиц и опирается на функциональную и семиологическую традиции языкознания. Концептуальная сторона вопроса способствует исследованию деривации и изучению тесной связи ментальных единиц с их языковыми репрезентантами.

В целом деривационный потенциал рассматривается нами как возможность концептуальной и языковой систем развиваться и/или изменяться во времени за счет внутренних и внешних факторов. Для изучения деривационного потенциала языковой системы нами используется понятие «деривационный узел» – особая точка роста, в которой создаются наиболее благоприятные условия для дальнейших деривационных процессов. Деривационные узлы формируются именно в ментальных репрезентантах – концептуальных характеристиках, стоящих за производящей основой и словообразовательными элементами.

Под деривационным потенциалом лексических систем понимается вся совокупность языковых процессов, служащих перестройке и/или переконпоновке языковой системы в целом, результат которого отображен в создании, формировании внешней (формальной) и внутренней сторон языковой единицы. Процесс реализации потенциала концепта рассматривается как концептуальная деривация.

Концепция настоящей работы заключается в понимании того, что лексические системы языка обладают деривационным потенциалом, реализующимся в совокупности с другими – интерпретационным и номинативным – потенциалами. Реализация деривационного потенциала заключается в увеличении информационной составляющей вторичной производной лексической единицы по сравнению с ее производящей основой. Деривационный потенциал обладает системообразующим свойством, так как основан на антропоцентрической природе языковых явлений; его реализация способствует формированию языковых систем и подсистем, в которых каждой языковой единице соответствует конкретное место.

Цель работы – установить общие закономерности реализации деривационного потенциала лексических систем языка на основе изучения отношений первичных и вторичных единиц.

Объектом исследования служат первичные и вторичные языковые единицы, формирующие лексико-тематические группы, выраженные именем (существительным и прилагательным) и глаголом в русском, французском и португальском языках. Под лексико-тематическими группами в настоящей работе понимается объединение языковых единиц разных частей речи на базе общего концептуального основания с внутренними гипо-гиперонимическими, метафорическими и метонимическими связями между элементами. Лексико-тематические группы в своей совокупности формируют лексическую систему языка.

Предметом исследования являются словообразовательные и словоизменительные процессы, способствующие реализации деривационного потенциала языковых единиц в лексико-тематических группах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Выявить онтологические характеристики, лежащие в основе деривационных процессов лексико-тематической группы.
2. Изучить этапы и типы реализации деривационного потенциала лексико-тематических групп на основе пропозиционального метода.
3. Исследовать деривационные процессы формирования устойчивых словосочетаний метафорического и метонимического характеров, а также возникновения семантической и синтетической деривации.
4. Раскрыть собственные внутренние свойства пропозициональной структуры при деривационных процессах.

5. Разработать принципы математического моделирования взаимовлияния энтропии и информативности вторичных языковых единиц на основе пропозиционального метода.

Основополагающим принципом в работе служит анализ языкового материала с позиций системности лексических групп. Целостный характер исследования обеспечивается комплексным использованием различных **методов** как **общих** (методы анализа и синтеза, типологизации, обобщения, индукции и дедукции, так и **специальных** (концептуальный метод при анализе онтологических характеристик, участвующих в деривационных процессах), пропозициональный метод (при анализе возникновения вторичных языковых единиц), метод образ-схемы (при возникновении конверсии), математико-статистический метод (при исследовании энтропии и информативной составляющей при деривационных процессах), дискурсивный метод (при анализе влияния вторичной единицы на смысловую сторону текста).

Достоверность полученных результатов подтверждена значительной базой примеров и применением комплексных методов исследования при их анализе. **Материалом** для анализа деривационного потенциала первичных языковых единиц послужила выборка около 18 тыс. примеров семантической и синтетической деривации языковых единиц лексико-тематических групп «организм человека» и «огнестрельное оружие» в различных дискурсивных образованиях из русско-, франко- и португалоязычных художественных произведений XIX–XXI вв., газетных и словарных статей, печатных и электронных источников, 3 300 устойчивых выражений, 11 407 аффиксальных дериватов, 1 440 примеров из конкретных текстов, в которых употреблены вторичные единицы из лексико-тематических групп «организм человека и «огнестрельное оружие».

Степень разработанности темы. За последние годы изучению концептуальных основ деривации в языке уделяется большое внимание. В основу когнитивно-дискурсивного подхода лег сформировавшийся в 60-е гг. XX в. ономазиологический подход в изучении наименований объектов внеязыковой действительности. Огромное влияние на взгляды отечественных ученых также оказали идеи американских лингвистов в области теории когнитивной грамматики (Р. Лэнкер 1991), концептуальной интеграции (Ж. Фоконье 1977, 1997), теории выделенности (Л. Талми 2006). В настоящее время большой вклад в развитие теории деривации в русле ономазиологического и когнитивного направлений сделали такие авторы, как В.В. Алпатов (2007а, 2007б), Л. В. Бабина (2003а, 2007б), Н. Д. Голев (1989), Е. И. Голованова (2004), Е. С. Кубрякова (1974б, 1977, 1985, 2006а, 2007), М. Л. Лапшина 1996, И. Ю. Макарова 2007, Л. М. Мурзин 1990, 1991, Р. З. Мурясов 1987, 1990), Е. М. Позднякова (1999), Д. А. Шепелева (2007), М. Г. Шкуропацкая (2004), в чьих работах обозначены деривационные категории в различных языках (семантическая и синтетическая деривация, развитие категорий имени существительного и глагола и т.д.). В настоящем исследовании описана реализация деривационного потенциала

лексических систем как совокупность всех вторичных единиц, образованных от первичных.

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование выполнено во взаимосвязи анализа ономаσιологического подхода с математическими методами в лингвистике. Деривационный потенциал языковой системы реализуется не автономно, а в постоянном взаимодействии с концептуальным уровнем. Поэтому деривационный потенциал рассматривается не просто как способность языковых единиц к изменениям, а как неотъемлемое свойство стоящей за этими единицами определенной информации, которая влияет на значение вторичных единиц. Актуальным также является рассмотрение и объяснение внутренних процессов и свойств концептуальных структур, что служит дальнейшему развитию изучения принципов и механизмов деривационных процессов в русле когнитивного направления. Актуальность настоящего исследования также связана с поиском универсальных и специфических черт деривационных процессов в языковых системах. Вопрос об изучении деривационных процессов через призму единой лексической системы, то есть о рассмотрении ее как упорядоченной и самостоятельно развивающейся системы, отражающей определенный фрагмент деятельности и непосредственный опыт человека, а также о математическом моделировании деривации, до сих пор не поднимался и не ставился.

Научная новизна диссертации представляет собой первый опыт монографического описания деривационного потенциала лексических систем языка. Предлагается интеграция теории номинации с исследованиями деривационных процессов в языке, основанных на ономаσιологическом и когнитивно-дискурсионном подходах с разработанными математическими методами исследования деривации лексической системы языка, на соотношении таких количественных параметров, как энтропия и информативность, содержащихся в словообразовательных элементах.

В теоретическом плане новизна работы состоит в углубленной и более широкой трактовке вторичных единиц и их отношений с первичными. Отношения первичных и вторичных единиц формируют лексико-тематические группы, развитие которых обусловлено меняющимися условиями человеческой деятельности и соответствующими им коммуникативно-когнитивными потребностями говорящих.

Теоретической базой исследования послужили основные положения теории деривации, разрабатываемой в традиционной лингвистике (Е. А. Земская (2007), Е. Курилович (1962), Л. Н. Мурзин (1990, 1991) и др.), в ономаσιологическом подходе (Е. С. Кубрякова (1974а, 1977, 1978, 2008)), а также в когнитивной (Л. В. Бабина (2003b), Н. Н. Болдырев (2002b, 2011), Е. А. Боярская (1999), Е. В. Петрухина (2000), Е. М. Позднякова (1999) и др.). Математическая база изучения деривационных процессов составлена на основе теории информативности и энтропии, разработанной К. Шенноном (1963) и получившей развитие в языкознании в работах У. Эко (2004) и др.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать **положения, выносимые на защиту.**

1. Деривационный потенциал рассматривается как способность языковой системы развиваться/перестраиваться на основе онтологических концептуальных характеристик. Деривационный потенциал тесно сопряжен с другими возможностями языковой системы, а именно, с интерпретационным и номинативным потенциалами; и с точки зрения характера изменений деривационные процессы делятся на два вида.

2. Первый вид деривационных процессов характеризуется процессами генерализации, конкретизации, расширения, сужения, детализации и углубления. Генерализация – это процесс, при котором формируются выражения с обобщающим и собирательным значением. Эти выражения обозначают класс или вид первичных единиц (ср.: огнестрельное оружие). Конкретизация есть процесс, нацеленный на формирование языковых единиц, обозначающих родовидовые и подвидовые типы объектов. В результате генерализации и конкретизации сама лексико-тематическая группа количественно подвергается расширению. Обратный процесс, приводящий к уменьшению объема лексико-тематических групп, мы называем сужением. Детализация – процесс, при котором формируются устойчивые выражения, как правило, метонимического характера, обозначающие конкретную ситуацию. Данный процесс, наряду с конкретизацией, реализуется за счет совокупности деривационного потенциала с номинативным. При углублении деривационный потенциал реализуется вместе с интерпретационным. В данном случае формируются метафорические выражения и фразеологические обороты. Семантическая деривация осуществляется на основе актуализации концептуальных характеристик в составе объекта и сирконстанта, а также в результате развития структуры предикатов.

3. Второй вид деривации представлен реализацией деривационного потенциала лексико-тематических групп категорий существительного, прилагательного и глагола, результат которого можно наблюдать в виде синтетической языковой деривации. Синтетическая деривация реализуется при актуализации дополнительных концептуальных характеристик и их интеграции в пропозициональной структуре первичной языковой единицы.

4. Деривационный потенциал лексической системы языка реализуется на основе онтологических концептуальных характеристик, формирующих особые деривационные узлы. Основными и универсальными для исследуемых языков концептуальными характеристиками, формирующими деривационные узлы, являются «локативность», «фазовость», «контрарность», «социативность», «бенефактивность», «реверсность», «отрицание», «партитивность», «негативная привативность», «положительная привативность», «контейнер», «аттенюация», «интенсивность», «тотальность», «функция», «свойство», «посессивность». Анализ структуры вторичных единиц показывает, что пропозиция, лежащая в их основе, обладает свойством сворачиваемости. Под сворачиваемостью пропозиции мы понимаем соотношение количества профилированных концептуальных характеристик к количеству и виду вербализующих их языковых средств. Исследование представленных языков показало, что в русском языке пропозиция принимает более свернутый вид, нежели во французском и португальском,

вербализующих во многих случаях концептуальные характеристики за счет лексического фонда.

5. Важное свойство пропозиции при деривационных процессах – инклюзивность, то есть его способность включаться в более масштабные концептуальные области. Эта способность обеспечивается за счет интегральных элементов, помогающих свернутой пропозиции быть доступной для понимания, а также снимающих имплицитность и повышающих энтропию при многозначности деривата, что увеличивает информативность самого деривата. Понижение энтропии уменьшает и информативность деривата, что может привести к повышению псевдоинформации, которая преодолевается в тексте за счет контекста. Математический анализ взаимовлияния энтропии на информативность текста показывает, что при уменьшении коэффициента энтропии на 0,1 (или на 1%) коэффициент информативности текста уменьшается на 0,025 (или на 2,5 %).

Теоретическая значимость диссертации определяется развитием основных положений теории когнитивной дериватологии – разработкой ее видов, выявлением универсальных и национально-специфических векторов развития языковых единиц в русском, французском и португальском языках. Теоретическая значимость диссертационной работы также обусловлена систематизацией представления о взаимосвязях языковых и концептуальных структур при деривационных процессах на основе математического моделирования информативности вторичных единиц. Результаты проведенного исследования вносят существенный вклад в понимание процессов словоизменения и словообразования, что способствует дальнейшей разработке теории языковой деривации и математического моделирования в лингвистике.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования материалов исследования и полученных результатов в лекционных курсах по общему языкознанию, лексикологии русского, французского и португальского языков, а также при подготовке спецкурсов по математической и компьютерной лингвистике, русскому и романскому словообразованию. Практическая значимость диссертационного исследования также заключается в исследовании ошибок, которые могут возникнуть при словообразовании и словоизменении, и в способах их устранения. Разработанный математический метод влияния энтропии и информативности вторичных единиц может быть применен в практических целях при прогнозировании возможных ошибок в понимании и интерпретации текста, а также при создании компьютерных языковых программ.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в докладах на научно-теоретических и научно-практических конференциях различного уровня, в том числе на международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2012 г.; Челябинск, 2014 г.; Санкт-Петербург, 2015 г.), II Международной научной конференции «Языковая картина мира в лингвистике и лингводидактике» (Тамбов, 2010 г.), Международной научной конференции «Проблемы языкового сознания» (Тамбов, 2011 г.), Международной научно-практической конференции «Экономика и лингвистика: пути

взаимодействия» (Екатеринбург, 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции УрГИ (Екатеринбург, 2012 г.), Лингвометодических чтениях УрГЭУ (Екатеринбург, 2012, 2014 гг.), на XI Житниковских чтениях (Челябинск, 2013 г.), Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, культурологическом и прагматическом аспектах» (Челябинск, 2014, 2016 гг.), ежегодной Международной научной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2014 г.). Диссертация прошла апробацию в ежегодных научных докладах на заседаниях кафедры романо-германских языков ЧелГУ (2012–2015 гг.), семинарах докторантов УрГУПС (2013–2015 гг.), Всероссийском семинаре по когнитивной лингвистике ТГУ имени Г.Р. Державина (ноябрь 2016 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета экономики и управления УрГУПС (Екатеринбург, 2018).

Структура диссертации. Работа состоит из четырех глав, введения, заключения и приложений. **В первой главе** анализируются основные подходы к изучению деривации на языковом и когнитивном уровнях в отечественной и зарубежной лингвистике, рассматриваются основные проблемы и ведущие направления исследований. **Во второй главе** рассмотрена проблематика и методология исследования лексических систем на основе выделения в лексико-тематических группах видов вторичных единиц. Рассмотрены свойства деривационной пропозиции, а также разработана методика определения и расчета энтропии дериватов. Выделены онтологические концептуальные характеристики, участвующие в деривационных процессах и формирующие деривационные узлы в пропозициональных структурах, а также их свойства. **Третья глава** посвящена исследованию реализации деривационного потенциала по первому виду, в котором изучаются семантическое развитие, генерализация, конкретизация, расширение, сужение, детализация и углубление лексико-тематических групп. **В четвертой главе** подробно изучаются процессы по второму виду языковой деривации. Осуществлен математический расчет влияния энтропии на информативность текста, а также представлены статистические данные о концептуальных характеристиках в исследуемых языках.

На современном этапе попытки выявить характер деривационных процессов и определить их место и роль в развитии языка начинаются и наиболее активно ведутся на морфологическом и словообразовательном уровнях (Л.В. Бабина (2003а, 2003b), Н.Д. Голев (1989), Е.И. Голованова (2004), В.И. Карасик (1991), Е.С. Кубрякова (1974b, 1977, 1985, 2006а, 2007), Е. Курилович (1962), И.А. Мельчук (1967), Л.Н. Мурзин (1990, 1991), В.М. Никитевич (1976), Ю.Г. Панкрац (1991а, 1991b), D. Amiot (1997, 2006), J. Bourquin (1979), A. G. da Cunha (2001? 2009), M. Dokulil (1962), M. Said Ali (1975), L.C. Schmidt (2005) и др.) и заканчиваются на уровне текста (С.В. Алексеева (1996), А.Г. Баранов (1990, 1991), J. Bourquin (1979) и др.). На лексическом уровне проводятся исследования деривации в области диалектологии (Е.Н. Полякова (1991), О.А. Чупрякова (2006) и др.), сленга (Л.А. Русецкая (1991) и др.), окказионализмов (Е.А. Земская (1983, 2007) и др.) и фразеологизмов (В. Мокиенко (1980), А.И. Молотков (1977), Л.В.

Попова (1968), В.М. Пугач (1997), В.Н. Телия (1980, 1996) и др.). Некоторые исследователи рассматривают языковую игру в качестве одного из видов деривации (О.В. Голубева и др.).

В целом деривационные процессы разрабатывались в русле таких крупных теорий, как функциональная (А.В. Бондарко (1978, 1992), Е.С. Кубрякова (1974а, 1974б, 1977, 1978, 1985, 1991)), семиологическая (Ю.С. Степанов (2007)), функционально-семиологическая грамматика (Н.Н. Болдырев (1995)). Выводы этих теорий доказали, что формирование производных или вторичных языковых единиц суть результат взаимодействия концептуальной системы человека с окружающим миром. В отечественной лингвистической науке важным для понимания языковых изменений становится ономаσιологический принцип исследования. В рамках данного подхода интерес лингвистов сконцентрировался на обсуждении предмета и задач деривационных процессов в рамках морфологии, места деривации в языке, проблем соотношения между производными значениями и формами языковых единиц, определении статуса вторичных единиц и значений, а также дефиниции видов деривационных процессов. Многие результаты исследований и выводы сторонников ономаσιологического подхода положили начало когнитивно-дискурсивной парадигме.

Ономаσιологическое, а затем и когнитивное направления пытаются определить, каким образом мыслительные процессы и информационные форматы влияют на языковую систему, отталкиваясь, как правило, от общей трехчленной модели: «внеязыковая действительность – концептуальный уровень – языковой уровень». Все три системы опосредованно или напрямую влияют друг на друга. Основным дискуссионным моментом остаются вопросы: что влияет на изменения в языке? перестраивает ли измененная концептуальная система языковую? На передовые позиции авторы выдвигают фреймовый анализ исследования возникновения вторичных единиц; делаются попытки изучить вторичные явления на материале словообразовательной деривации. Однако изучение деривационных процессов с точки зрения фреймового подхода оказывается сложным и трудоемким, так как сама фреймовая структура иерархична и включает в себя исключения, которые характерны для категорий естественного языка. Соответственно, при кажущейся простоте деривационные изменения на основе фреймового подхода усложнились из-за невозможности привести различные типы фреймов к единому знаменателю.

Проведенное исследование характеризуется тем, что изучается деривационный потенциал лексики как системы с монографическим описанием формирования всех типов вторичных языковых единиц.

Для изучения деривационного потенциала лексической системы языка мы отталкиваемся от двух видов деривационных процессов, формирующих первичные и вторичные единицы, объединенные в лексико-тематические группы на основе общих концептуальных характеристик. Лексико-тематическая группа в данном случае соотносится с лексической системой как частное – целое. Лексико-тематические группы в полной мере отражают результат всей совокупности

деривационных процессов и включают производные единицы, созданные путем переосмысления (семантическая деривация), аффиксации (синтетическая деривация), конверсии, а также языковые единицы в прямых и переносных значениях и устойчивых выражениях. При изучении выделенных деривационных процессов перед исследователями встают такие вопросы, как соотношение первичных и вторичных единиц, разграничение синтетической и семантической деривации и т.д. Выделены четыре типа таких единиц: 1) новые языковые единицы; 2) устойчивые выражения с первичной единицей; 3) языковые единицы с новой (вторичной) семантикой; 4) новая языковая единица, сформированная за счет словообразовательных элементов. Разработаны основы и принципы использования данных методов при исследовании деривационного потенциала концептуальной системы языка.

Деривационный потенциал заключен в совокупности концептуальных характеристик, лежащих в основе первичных языковых единиц. Деривационные узлы – особые концептуальные характеристики (или их совокупность), участвующие в деривационных процессах. Концептуальные характеристики становятся деривационными узлами при их профилировании в определенных слотах пропозициональных структур внутри субъекта, объекта, предиката и сирконстанта. Таким образом, деривационным потенциалом обладают все члены пропозиции. При объединении или конфигурации концептуальных характеристик повышается деривационный потенциал концептуальной единицы в целом. Деривационные узлы как средоточие потенции того или иного элемента структуры лексической единицы то активизируются, то затухают. Это означает, что при благоприятных условиях тот или иной узел может снова активизироваться. Языковая единица обладает мощностью элементов, входящих в нее в данный момент, но в ней содержатся и элементы, утратившие в изменившихся социально-исторических условиях свою значимость. В любой момент деривационные узлы могут стать катализатором деривационных процессов, а пусковым механизмом их актуализации служат в первую очередь экстралингвистические факторы.

Пропозициональный метод характеризуется исследованием концептуальных характеристик в структурах членов пропозиции – объекта, субъекта, сирконстанта и предиката. Общая лингвистическая пропозиция обладает особенностями, которые учитываются при анализе фактического материала. Во-первых, деривационная пропозиция входит в более объемную структуру, по форме сходную с синтаксическим концептом. Во-вторых, пропозиция, состоящая из субъекта, объекта, сирконстанта и предиката, проявляет свойства каждого из них.

Деривационная же пропозиция обладает своими собственными свойствами. Так, во-первых, предикат связывает именно те характеристики, которые необходимы для формирования новой единицы. Во-вторых, такая пропозиция обладает нежесткими границами; отсюда вытекает третье свойство, а именно, инклюзивность, что очень важно при взаимодействиях первичной единицы с другими языковыми единицами из других лексико-тематических групп. В-

четвертых, предикат способен объединять несколько элементов одновременно. В-пятых, пропозиция проявляет – в противоположность предыдущей – устойчивость. В результате этого дериваты воспринимаются как должные и естественные, воспроизводимые с легкостью в языке. В-шестых, количество деривационных характеристик, а также деривационных узлов ограничено. В-седьмых, каждая характеристика отражает фрагмент действительности, соответственно, в целом пропозиция обладает информативностью. И, наконец, в-восьмых, пропозиция сворачивается, актуализируя только тот фрагмент действительности, который должен быть «запечатлен» во вторичной единице.

Можно выделить следующие виды сворачиваемости пропозиции при деривационных процессах: 1) до одной характеристики, 2) до двух характеристик, 3) до трех характеристик. Все они формируют деривационные узлы, по которым можно определить виды сворачиваемости, которые имеют градацию.

Так, первый вид сворачиваемости предполагает актуализацию концептуальной характеристики в одном из членов пропозиции.

Второй вид сворачиваемости пропозиции может иметь следующие подвиды: субъект + сирконстант, субъект + предикат, предикат + объект (выражен лексически), предикат + объект (выражен морфологическим способом, то есть словообразовательной единицей), объект+сирконстант.

Третий вид сворачиваемости пропозиции может иметь следующие подвиды: объект + предикат + сирконстант (выражен одной словообразовательной единицей), объект + предикат + сирконстант (выражен двумя словообразовательными единицами).

На синтаксическом и словообразовательном уровнях свёрнутость пропозиции подчинена не только ее внутренним законам, но и эффекту понимания и усвоения семантики деривата. Как показало исследование, при большей редукции словообразовательных элементов в пропозициональной структуре наступает пороговый момент, за которым может следовать информативная дисфункция или непонимание. Поэтому свёрнутость пропозиции сопряжена с тенденцией к экономии языковых средств, с одной стороны, с другой, с имплицитностью и псевдоинформацией.

Энтропия была использована К. Шенноном при проведении эксперимента: возможность предсказания английского текста: на сколько точно может быть предсказание английского текста, когда известны предыдущие N букв текста [Шеннон: 669]. Представленная формула выглядит следующим образом:

$$N = -\sum_{i=1}^N p \log p,$$

где N – коэффициент возможных вариаций первичной и вторичной единиц; $-\sum_{i=1}^N p \log p$ – сумма всех возможных вариаций в деривате (например, ходить – проходить – переходить и т.д.).

В настоящей работе энтропия определяется нами как количество информации на один языковой символ, выраженный как устно, так и письменно. Количество информации вычисляется как произведение энтропии на число

символов, написанных (произнесенных) в тексте: чем больше это число, тем больше информации и больше, соответственно, энтропия. Уменьшение коэффициента энтропии свидетельствует об увеличении неоднозначности в тексте.

Соответственно, энтропия рассматривается нами как варьирование элементов в пропозиции при деривационных процессах, иначе говоря, какой элемент (характеристика) задействован в структуре и при помощи какой языковой единицы он вербализован?

Энтропия непосредственно связана с информативностью текста (с его смыслом), в котором употреблен тот или иной дериват. Считается, если энтропия снижается, то снижается и информативность текста. Однако, если одна часть информации в тексте оказывается неоднозначной, то информативность восполняет этот пробел в другой части текста.

Например, фраза *из дверей здания кто-то выйдет* неинформативна и обладает низкой энтропией, так как мы не знаем, кто именно выйдет из дверей здания (мужчина, женщина, ребенок и т.д.). Информативность повышается, если уточнить, что это за здание. Например, во фразе *из дверей здания казармы кто-то выйдет* речь, скорее всего, идет о представителе мужского пола.

Подсчет информативности производится по следующей формуле К. Шеннона:

$$I = -(p_1 \log_2 p_1 + p_2 \log_2 p_2 + \dots + p_N \log_2 p_N),$$

где p_i – вероятность того, что именно i -е сообщение выделено в наборе из N возможных дериватов.

Итак, необходимо выяснить не только какие виды сворачиваемости пропозиции при деривационных процессах действуют, также важно спрогнозировать, какова вероятность понижения энтропии и как это будет влиять на информативность текста, как ведет себя текст при малой энтропии.

Изучение первого вида сворачиваемости пропозиции при деривационных процессах представлено генерализацией, конкретизацией, детализацией, углублением дифференциацией, расширением и сужением, а также семантическим развитием первичной единицы. В данном случае пропозиция сворачивается по первому и третьему виду. То есть первый вид сворачивается до одного объекта или сирконстанта при расширении и семантическом развитии, и до трех членов пропозиции при генерализации, конкретизации, детализации и углубления. Деривационный потенциал реализуется не изолировано, а в совокупности с другими потенциалами: номинативным и интерпретационным.

Как показало исследование, основными деривационными процессами первого типа являются генерализация, конкретизация, дифференциация, расширение, сужение, углубление и детализация. Данные процессы осуществляются за счет актуализации деривационных узлов, сформировавшихся на основе концептуальных характеристик в структуре различных концептов. Основными и универсальными концептуальными характеристиками при деривационных процессах являются «форма», «локативность», «объект», «предикативность», «имя», «животное». Для иллюстрации деривационных

процессов были проанализированы важные для русской, французской и португальской лингвокультур лексико-тематические группы «организм человека» и «огнестрельное оружие», а также группы, находящиеся в тесном контакте с обозначенными выше, а именно, «речевая деятельность», «движение». Перейдем к рассмотрению **семи типов** деривационных процессов.

Изменения, при которых структура лексико-тематических групп увеличивается, мы называем **расширением**, при этом возникают такие качественные типы деривации, как **конкретизация** и **генерализация**. В качестве иллюстративного материала представлены модели, отражающие деривационные процессы расширения в структуре лексико-тематической группы «огнестрельное оружие»: форма, способ, животное, имя собственное, объект, инструмент. Эти модели показывают, на основе каких концептуальных характеристик были сформированы деривационные узлы. Рассмотренные языковые единицы присутствуют в различных лингвокультурах, поэтому представления о них закреплены на концептуальном уровне в качестве микроконцептов-интернационализмов. Соответственно, необходимо говорить об универсальности концептуальных характеристик и деривационных узлов, которые они сформировали.

При наименовании нового объекта внеязыковой действительности происходит когнитивное сканирование данного объекта, то есть его концептуализация, выделяются основные характеристики с дальнейшей категоризацией.

Лексико-тематическая группа, обрастая большим числом первичных языковых единиц, подвергается дальнейшему развитию по типам генерализации, детализации на основе тенденции к метонимизации и обобщению, на фоне генерального свойства языка, стремления к экономии своих средств.

При этом лексико-тематическая группа подвергается **расширению**. Как показало исследование, при развитии по типу расширения деривационная связь может быть двух видов и зависит от категориальной и концептуальной принадлежности прототипических характеристик. Например, первичные единицы, обозначающие стреляющее оружие, в совокупности формируют генерализированное выражение «огнестрельное оружие» на основе концептуальной характеристики «функция», отражающей предназначение оружия. Сама пропозициональная структура имеет развернутый вид: субъект (оружие) + сирконстант.

Помимо этого, эта лексико-тематическая группа формирует по данному деривационному узлу такие выражения, как «травматическое оружие», «метательное оружие», «зажигательное оружие», «ракетное оружие», «торпедное оружие», «ядерное оружие», «биологическое оружие», «химическое оружие».

Нельзя сказать, что генерализированные выражения в конкретно взятой лексико-тематической группе являются однородными, так как сама система таких групп не представляется закрытым пространством в виду многофункциональности объектов внеязыковой действительности, представляющих ее. Как показало исследование, генерализированные выражения

с точки зрения деривации бывают двух видов: формирование узлов за счет внутренних резервов и за счет дополнительных внешних доноров. На рисунке 1 представлены процессы образования устойчивых выражений лексико-тематической группы «огнестрельное оружие», на которых видна реализация подобных связей при наследовании внутренних концептуальных характеристик «функция» и «форма».

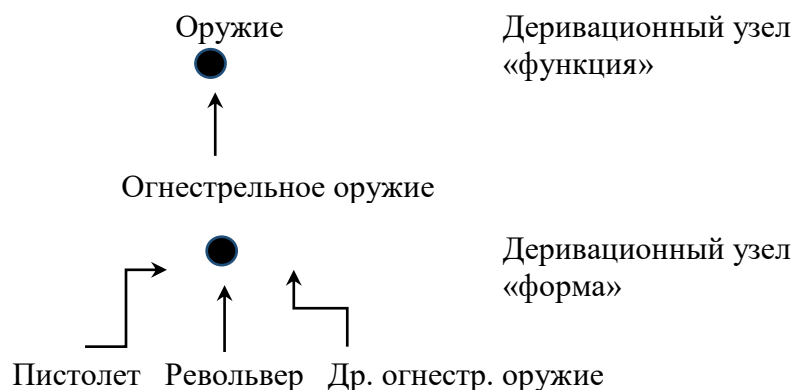

Рисунок 1

Второй вид связан с профилированием дополнительной концептуальной характеристики из другой лексико-тематической группы, то есть внешнего донора. Например, выражение *спортивное оружие* образовалось при взаимодействии лексико-тематических групп «спорт» и «оружие» из соответствующих областей «деятельность человека» и «оружие» за счет интеграции концептуальных характеристик этих двух областей – «функция состоятельности» и «средство» соответственно. Такой процесс отражает человеческое мышление в целом, а именно, способность находить общие черты в нескольких концептуальных областях, отражающих определенные лексико-тематические группы, объединять их на основе определенных характеристик – в единую пропозицию. Таким образом, на пропозициональном уровне выражение *спортивное оружие* отражает гибридную структуру. По такому же принципу сформировано выражение *охотничье оружие* и т.д. – при слиянии концептуальных характеристик двух концептов «охота» и «оружие» соответственно [Балакин 2014b].

Деривационные связи концептуальных характеристик логически сближают их с матрицей, которая может быть представлена так:

$$\begin{bmatrix} x & y \\ z & d \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} v & k \\ z & e \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} x & v \\ z & z \end{bmatrix} \begin{bmatrix} y & k \\ d & e \end{bmatrix},$$

где x, y, z, d, v, k, e – концептуальные характеристики двух областей; z – общая характеристика (деривационный узел) двух областей, в результате чего и происходит их взаимодействие; $\begin{bmatrix} x+v & y+k \\ z & d+e \end{bmatrix}$ – новая концептуальная основа

новой вторичной единицы, где присутствуют концептуальные характеристики двух групп. Данная схема отличается от представленной на рисунке 1 тем, что показано наследование не только общей характеристики, но характеристик x, y, d ,

v, *k*, *e*, могущих входить в новую лексическую единицу либо оставаться эксплицитно невыраженными, то есть свернутыми, но способными содержать информацию, например, о форме, цвете и т.д. Данная информация может быть раскрыта уже при речепорождении.

Деривация по типу **конкретизации** характеризуется появлением устойчивых выражений от первичных языковых единиц, конкретизирующих значения, что отражает свойство человеческого мышления к нахождению специфических черт объектов при сравнении их с каким-нибудь эталоном.

Как правило, пропозиция имеет развернутый вид: объект + сирконстант (актуализированный лексически), объект + предикат.

Например, лексико-тематическая группа «палец» формирует устойчивые словосочетания за счет концептуальных характеристик «форма», «квантитативность» и «функция подвижности / функциональная направленность», содержащиеся в структурах сирконстанта или предиката.

Концептуальная характеристика «форма» участвует в формировании выражений, обозначающих конкретные пальцы: *большой палец / dedo polegar*, *средний палец / dedo médio, dedo mindinho / petit doigt*.

Концептуальная характеристика «функция» также участвует в формировании устойчивых выражений. Например, во французском языке существует выражение *au doigt mouillé*, обозначающее нежное прикосновение пальцами к чему-либо; безымянный палец во французском и португальском языках названы по обручальному кольцу, то есть *anneau / dedo anular* [PR: 767; Glosbe].

Концептуальная характеристика «функция указывать на что-либо» также участвует в формировании названий конкретных пальцев: *указательный палец / dedo indicador* [Кузнецов; PR: 767; Glosbe].

Концептуальная характеристика «квантитативность» важна и в данной лексико-тематической группе становится деривационным узлом. Ср.: *cinquième doigt; deuxième doigt; quatrième doigt; troisième doigt* [там же].

Концептуальная характеристика «функция» является главной и оказывает большое влияние на дальнейшее развитие изучаемой лексико-тематической группы «огнестрельное оружие» по деривационному типу конкретизации. Ср. развитие первичной языковой единицы «винтовка»: «винтовка автоматическая», «винтовка охотничья», «винтовка снайперская», «винтовка штурмовая».

Помимо комбинации с концептуальной характеристикой «функция», форма может составлять мощный деривационный узел с характеристикой «имя», несущей идентифицирующую функцию. При этом формируются устойчивые выражения по типу конкретизации, а структура самой лексико-тематической группы усложняется. Деривационная модель выглядит следующим образом: форма + имя → вторичная языковая единица. В большей степени расширению подвергаются первичные языковые единицы *винтовка, пулемет, пистолет* и т.д.: форма + имя → вторичная языковая единица. Ср.: *автомат Калашникова, винтовка Баранова, винтовка Бердана, винтовка Крнка, пулемёт Горюнова, винтовка Драгунова, ружьё Кальтхофа, винтовка Карле*.

В некоторых случаях сворачиваемость пропозиции происходит до одного сирконстанта. Ср.: *Colt, Beretta, Leclerc, Abrams, Mannlicher, Nambu, Armalite, Gasser, Glock, Ballester-Molina, Ballester-Rigaud, Walther, Roth, Galand*.

Однако наибольшей разветвленностью обладают базовые единицы *оружие, пистолет, ружье, револьвер*, подвергшиеся конкретизации и дальнейшему расширению за счет деривационного узла «имя» и в меньшей степени «свойство». Ср. в русской лингвокультуре.

Деривационный узел «имя»: *автомат* → (*автомат Калашникова, автомат Никонова, автомат Фёдорова, Галиль*).

Деривационный узел «имя»: *револьвер* → (*револьвер Адамса, револьвер Нагана Велодог*).

Деривационный узел «имя»: *пистолет* → *пистолет Вальтера, пистолет Глока, пистолет Зиг-Зауэра, пистолет М-1911, пистолет Макарова, пистолет Мариэтта, пистолет Стечкина, пистолет Беретта, Волканик, Парабеллум, «ТТ» пистолет, Дёрринджер*.

Деривационный узел «имя»: *ружье* → *ружье Кальтхофа, ружьё Лефоше, бокбюксфлинт*.

Деривационный узел «имя»: *пулемёт* → *пулемёт Калашникова, пулемёт ручной, пулемёт станковый*.

Деривационный узел «свойство»: *пулемёт* → *пулемёт единый, пулемёт ручной, пулемёт станковый*.

Первичные языковые единицы *винтовка* и *штуцер* имеют более развитую систему и включают выражения, сформированные на основе деривационных узлов «форма» и «функция». Ср. в русской лингвокультуре:

Первичная языковая единицы *винтовка*. Деривационный узел «имя»: *винтовка Вёрндля, винтовка Веттерли, винтовка Драгунова, винтовка Пибоди, винтовка Бердана, винтовка Баранова, винтовка Шасспо, винтовка Токарева, винтовка Мосина (трехлинейка), винтовка Линднера, винтовка Ли-Энфильда, винтовка Карле, винтовка Снайдера, Штурмгёвер, винтовка Лебёля, винтовка Крнка*.

Первичная языковая единица *карабин* формирует устойчивые выражения за счет деривационного узла «имя»: *карабин Шарпса, карабин Симонова, а штуцер (винтовка с низкой скорострельностью)* – за счет деривационного узла «имя»: *штуцер Гартунга, штуцер Люттихский*.

Под **сужением** понимается утрата устойчивых выражений и/или их характеристик. Так, концепт «оружие» подвергся сужению вследствие исчезновения некоторых видов оружия. Например, в русской, французской и португальской лингвокультурах исчез концепт «пищаль (мушкет) (рус.)/mousquet (фран.)/mosquete (порт.)», в русской «ручница».

Сужение может носить индивидуальный характер. Например, для большинства неспециалистов исчезли следующие виды оружия: широкая шпага (от лат. *spatha*) → *épee* (фр.) – *espada* (порт.) – *шпага* (рус.); труба (от лат. *canna*) → *canon* (фр.) – *canhão* (порт.); пушка с крюком (от нем. *Hackenbuse*) → *arquebuse* (фр.) – *arcabuz* (порт.) – *аркебуза* (рус.) [Cunha 2003; Nouveau Petit Robert 2008].

Деривационный потенциал лексико-тематической группы «организм человека» по типу **детализации** и **углубления**, как правило, реализуется в совокупности с интерпретационным, что и предопределяет характер обозначенных выше процессов. Анализ рассматриваемых типов деривационных процессов способствует большему пониманию природы различий, возникающих между устойчивыми выражениями с прямым значением и устойчивыми метафоризированными выражениями. Если последние являются результатом деривации по типу углубления, то выражения с прямым значением сформировались за счет деривации по типу детализации.

Детализация есть такой деривационный процесс, при котором развиваются различные устойчивые выражения на основе когнитивных метонимии и сравнения, что происходит в основном в границах одной группы и лежащей в ее основе концептуальной области. При речепорождении человек оперирует не просто отдельно взятыми словами, а готовыми речевыми конструкциями. Последние сформированы за счет концептуальных характеристик как при внутренних процессах одной лексико-тематической группы, так и при взаимодействии нескольких. При формировании устойчивых выражений происходит актуализация не одной концептуальной характеристики, а сразу всей устойчивой конструкции. Если такое сосредоточивание отсутствует, то у говорящего возможно затруднение выражения его мыслей. Таким образом, факторы «готовность» и «легкое воспроизводство» являются, по нашему мнению, главными при определении факта детализации как деривационного процесса. Наиболее мощные узлы, как показало исследование на примере лексико-тематической группы «организм человека», следующие: «форма + локативность», «свойство», «предикативность (функция)», «предикативность (функция) + локативность», «социативность».

Процесс детализации на примере лексико-тематической группы «рука» представлен в следующих выражениях, хорошо известных говорящим: руки могут быть опущены (*руки вниз / bras dessus*); руки могут быть подняты (*руки вверх / bras dessous*), руки можно скрестить (*руки скрещены / os braços cruzados*), руки можно держать строго вертикально (*bras le long du corp / руки по швам*).

В следующих примерах показаны различные варианты положения рук в пространстве в зависимости от окружающей обстановки, с которой говорящий сопоставляет эти положения.

Например, если человек ложится, то руки могут быть размещены вдоль тела или за голову. Ср.: *Elle laisse les rideaux ouverts, s'étend tout habillée au-dessus des draps, les bras le long du corps, paumes ouvertes* [Vigan 2007: 80] [перевод: она оставляет шторы открытыми, ложится, не раздевшись, на диван, руки вдоль тела, ладонями вверх].

Elle s'allonge par terre avec les pieds posés sur une chaise, les bras croisés sous la nuque [там же: 102] [перевод: она растягивается на земле, ноги на стуле, руки скрещены под затылком].

Положения, при которых руки под затылком, могут быть разнообразными. Например, чтобы обезвредить противника. Ср.: *Сдерживает он с плеча автомат и ревет: руки за голову* [Глуховский 2012: 12].

В детализированном виде также представлены устойчивые выражения, отражающие действия с руками. Например, действия, связанные с попаданием предметов в руки: (*se mettre sur les bras, de braço dado, попасть под руку*); *при помощи рук люди дерутся (frapper à tour de bras / бить (колотить) руками / дать волю рукам / vir a braços com alguém / pelear braço a braço / давать волю рукам / дать по рукам)*; в русской лингвокультуре отмечена ситуация, когда в гости приходят без подарков (тогда говорят: *прийти с пустыми руками*).

Лексико-тематическая группа «язык» детализируется на основе взаимодействия с группой «речевая деятельность человека»: *la langue maternelle / língua materna / родной язык, langue morte / língua morta / мертвый язык, langue vivante / língua viva / живой язык, la langue étrangère / língua estrangeira / иностранный язык, langue parlée / língua falada / разговорный язык* и т.д.

Процесс углубления представляет собой соединение двух областей и отличается задействованием концептуальных характеристик из других лексико-тематических групп, в результате чего формируется лексико-тематические группы метафорического характера. Как показало исследование, при углублении задействуются такие же деривационные узлы, как и при детализации: «форма + локативность», «свойство», «предикативность (функция)», «предикативность (функция) + локативность», «социативность».

Ср. функционирование характеристик «предикативность» и «локативность» концептов «сердце» и «ноги» в концептуальной области «страх»:

деривационный узел сердце «предикативность (функция)» + страх: *Артемово сердце сжалось, и он почувствовал, как цепенеет от страха тело и чуть не подгибаются ноги. Говорить он был не в состоянии, и потому молча ждал продолжения обвинительной речи* [Глуховский 2012: 25–26];

Деривационный узел нога «предикативность (функция)» + локативность + страх: *И в туннели больше ни ногой – так и торчит на Сухаревской, попрошайничает* [там же: 45].

В отличие от детализации, как реализации совокупностей деривационного потенциала с номинативным, углубление в большей степени проявляется в совокупности деривационного потенциала с интерпретационным. Лексико-тематическая группа «организм человека» служит крупным донором для таких групп, как «физическое состояние человека», «психологическое состояние человека», «поведение человека», «социальное положение человека» и «деятельность человека», подразделяющихся на более мелкие подгруппы, отражающие соответствующие концептуальные области. Все они – устойчивые выражения метафорического характера, а также фразеологические обороты. В меньшей мере деривация по первому типу реализуется в областях «артефакты», «живая природа» и «неживая природа». Подобную схему можно классифицировать как онтологическую матрицу (рисунки 2).

Рисунок 2 – Взаимодействие лексико-тематических групп при углублении

Схема подтверждает, что лексико-тематическая группа оказывается большим донором для таких лексико-тематических групп, как «поведение человека», «деятельность человека», «социальное положение человека» и «состояние человека». Возможность лексико-тематических групп реализовывать свой деривационный и интерпретационный потенциал продиктована общим человеческим сознанием находить общие элементы в разных объектах. Области, отражающие лексико-тематические группы, способны взаимодействовать; границы между областями нежесткие.

Как показало исследование, при углублении формируется шесть типов устойчивых выражений. Рассмотрим их.

1. В первую группу входят устойчивые выражения – сравнения. В этом случае языковая единица из лексико-тематической группы «организм человека» сравнивается с объектом из другой лексико-тематической группы, но при этом сформированное выражение обозначает третью группу. Например, *глаза по пять копеек* – лексико-тематическая группа «состояние человека ‘удивление’».

2. Во вторую группу входят устойчивые выражения, в которых употребляются глаголы, характерные для этой же лексико-тематической группы. Но эти выражения имеют значения, обозначающие всю ситуацию в целом за счет механизма метонимии. Например, *глаз не сомкнуть* – лексико-тематическая группа «состояние человека ‘не уснуть’».

3. В третью группу, напротив, входят выражения, в которых употребляются глаголы, не характерные для этой же лексико-тематической группы. По таким глаголам определяется значение данного устойчивого выражения. Например, *носом пропахать* – лексико-тематическая группа «движение ‘падать’».

4. В четвертую группу входят устойчивые выражения, в которых доминирующим при формировании значения оказывается свойство предмета. Например, *иметь длинные руки* – лексико-тематическая группа «социальное положение человека ‘всесильность’».

5. В пятую группу входят устойчивые выражения, в которых присутствует языковая единица из другой лексико-тематической группы, но в совокупности выражение входит в состав третьей лексико-тематической группы. Например, *мухи перед глазами* – лексико-тематическая группа «физическое состояние человека ‘плохое’».

6. Последняя группа выделяется особо, так как в ней участвуют сразу две лексико-тематические группы, отражающие концептуальную область «организм человека», но являющиеся донорами для третьей группы. Например, *глаза боятся, а руки делают* – лексико-тематическая группа «деятельность человека ‘упорство’». Подобные процессы мы рассматриваем с позиций одной лексико-тематической группы, полагая при этом, что статусы обоих доноров равны.

Лексико-тематическая группа «рука» углубляется за счет перенесения из ее таких концептуальных характеристик, как «предикативность» и «форма». Так, группа «рука» содержит концептуальную характеристику «функция», отражающую два свойства человеческих рук: «хватать (брать)» и «рычаг (сила)». Данные характеристики способны интегрироваться с другими группами. При интеграции с концептуальной областью «сила» формируются устойчивые фреймовые участки, отражающие ситуацию «обладание большой властью / силой» (*иметь длинные руки / avoir le bras long / faire les grands bras / avoir un bras de fer / laisser (jeter) sur les bras de qn / прибирать возжи к рукам*), либо ситуацию «лишение власти / силы» (*couper bras et jambes / fazer cair os braços*). Концептуальная характеристика «функция» интегрируется с концептуальной областью «обладание большой силой», образуя устойчивые фреймовые участки, отражающие различные ситуации преодоления большой противоположной силы: *salvar alguém dos braços da morte / arracher des bras de la mort; não dar o seu braço a torcer / держать себя в руках / рука не дрогнет / чужими руками жар загребать / забрать голыми руками / рука не дрогнет*.

Выражение «брать голыми руками» образовано за счет интеграции с концептуальной характеристикой «рука (функция)». Ср.: <...> *все последние разы черные сразу вперед бросались – и на дозор **нападали с голыми руками**, и на пулемет или в полный рост. А этот удрал сразу* [Глуховский 2012: 2].

Лексико-тематическая группа «речевая деятельность» подвергается деривации по типу углубления за счет привлечения концептуальных характеристик, лежащих в основе группы «язык (как главный речевой орган)». На языковом уровне данный процесс сопровождается формированием устойчивых выражений и фразеологизмов метафорического характера. Например, *avalier sa langue / язык проглотить, tenir la langue / conter a língua / держать язык за зубами, avoir la langue trop longue / língua de palma e meio / иметь длинный язык, dénouer la langue / deitar a língua fora / развязать язык, qui langue a, à Rome va / язык до Киева доведет, solto de língua / невоздержанный на язык, língua afiada / острый язык, dar à língua / dar à língua / bater com a língua nos dentes / trocar língua / болтать языком*.

Процессу углубления, по нашему мнению, также способствует участие оценочной категоризации, то есть сравнение какого-либо предмета/явления с эталоном оценки.

Например, лексико-тематическая группа «организм человека» подвергается углублению за счет актуализации категории оценочности детализированных участков концепта «морщить нос» с последующим его переносом в концепт «поведение человека (гордость)».

Ср. на примере «нос»: *torcer o nariz / морщить нос (воротить нос) / faire le nez*. В данном случае за счет актуализации негативной оценки выражен концепт «недовольство». В следующих примерах за счет актуализации концептуальных характеристик концепта «нос» выражена гордость: *ser senhor do seu nariz / aller le nez levé / задирать нос*.

<...> *porque acredito em si, na sua forma muito especial que tem de se movimentar, não ser muito senhor do seu nariz* [Priberam URL] [перевод: <...> потому что я верю в себя; нужно двигаться вперед, **не быть гордецом**].

Помимо антропоцентрического восприятия различных концептуальных структур, а также способности считывать элементы информации, попавшие из одной области в другую, человеческое сознание способно отличать фразеологический и паремический обороты от устойчивых выражений, иными словами, подсознательно отличать процессы детализации от углубления. В данном случае инклюзивность пропозициональных структур позволяет актуализировать гомогенные характеристики более объемной пропозиции. Общие характеристики влияют на концептуальную структуру, и та, в свою очередь, при вербализации воспринимается именно так, а не иначе. Инклюзивность выражается на языковом уровне функционированием контекста. В следующих примерах выделенные выражения не имеют статуса фразеологизмов и функционируют в тексте в прямом значении при деривации по типу детализации.

<...> *и самый ближний вдруг задирает голову и выпускает прежний зауспокойный вой* [Глуховский 2012: 15].

<...> *на весь вечер уйди и буди с ним до ночи деньги считать. Я ведь каждую неделю к нему хожу на весь вечер счета сводить* [Достоевский 2005: 192].

<...> *j'ai plongé le nez dans le sac pour chercher un kleenex, tandis qu'elle s'éloignait* [Vigan 2007: 167] [перевод: я сунулась в сумку за одноразовыми носовыми платками, когда она уходила].

Géné, Vince plonge le nez dans son assiette et fait mine de ne pas avoir perçu son malaise [Favan 2014: 113] [перевод: Смущенный, Винче уткнулся в тарелку и сделал вид, что не заметил ее недомогания].

Углубление также способствует формированию авторских метафор в различных институциональных дискурсах. В итоге, например, политический дискурс представляет собой одну из наиболее развитых групп-реципиентов, принимающих концептуальные характеристики из различных групп-доноров. Интеграция концептуальных характеристик формирует деривационные узлы. Ср. интеграцию концептуальных областей «политика» и «голова»:

Деривационный узел «политика + организм человека (головная боль)»: *Déjà sous pression dans la crise des réfugiés, Angela Merkel n'est pas au bout de ses maux de tête européens: une bruyante controverse l'oppose à l'Italie et à l'Europe centrale sur le projet de gazoduc Nord Stream 2, un investissement massif qui touche la relation avec la Russie, l'avenir de l'Ukraine et l'indépendance énergétique de l'UE* [там же] [перевод: Под давлением кризиса эмигрантов у Ангелы Меркель головная боль не заканчивается: жаркие споры с Италией и Центральной Европой по поводу газового проекта «Северный поток – 2», крупная инвестиция, затрагивающая отношения с Россией, будущее Украины и энергетическую безопасность ЕС].

Деривационный узел «политика + рука (свойство)»: *Accord UE/Ukraine: Kiev tend la main à Moscou* [там же] [перевод: Соглашение ЕС/Украина: Киев протягивает руку Москве].

Деривационный узел «политика + рука (локативность)»: *Неравнодушным гражданам мы предоставляем больше полномочий, обучая и предоставляя статус общественных экологических инспекторов. «Но и сами не сидим сложа руки, проводя регулярные рейды по выявлению нарушений экологического законодательства», – говорит Коган* [Известия].

Реализация деривационного потенциала по семантическому типу осуществляется при дальнейшей концептуализации первичных единиц, при сравнении объектов окружающей действительности. В данном случае концептуальная характеристика пропозициональной структуры первичной единицы отражается в других сущностях. При этом первичная единица не меняет своей «оболочки», но начинает восприниматься иносказательно. Рассмотрим такие первичные единицы.

Рука ассоциируется с физической работой, выполняемой определенным человеком. Поэтому данный объект может восприниматься как орган для совершения работы, что отражается концептуальной характеристикой «функция». Ср., *cet organe considere comme instrument de travail, d'aide, d'execution, d'effort / gente trabalhadora, trabalho do homem* [БТСРЯ: 182; DU: 169; Cunha121]. При этом указывается на физические возможности руки, то есть на ее «свойство (сильная / слабая)». Ср., *à tour de bras* [DU: 169].

Функция органа «язык» – это говорение, то есть он входит в артикуляционный аппарат вместе с другими органами говорения. Это подвижный элемент артикуляционного аппарата. Поэтому можно выделить такую главную характеристику, как «функция говорения». Ср. дефиницию: *этот орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи / organe désigné de la parole / órgão composto por músculos, localizado no interior da boca até à faringe, que auxilia na mastigação, degustação, produção de sons, na percepção dos sabores* [БТСРЯ: 1202; DU: 708; Cunha 476].

При анализе предиката нами были выявлены такие его свойства, как атомарность, латентность и стремление к абстрактности, зависящие от конкретного языка. Как показало исследование русского языка, наиболее актуализированной оказывается акциональная образ-схема. Французский язык,

напротив, часто избирает субстанциональную образ-схему репрезентации одной и той же ситуации, вербализуя ее с помощью именного словосочетания с опорным существительным, передающим действие, и зависимым от него существительным, которое называет субъект этого действия.

Свойство латентности, атомарности и категорирующая сила предикатов зависят от конкретного языка при актуализации акциональной образ-схемы. В отличие от западноевропейских языков (в частности, романских), русский язык намного ярче выражает вербоцентричность языковой системы, что подтверждается стремлением поместить в центр синтаксической конструкции либо глагольную, либо другую акциональную форму, делая тем самым предикат латентным. Французский и португальский языки, напротив, подвержены влиянию субстанциональной образ-схемы, то есть нередко репрезентация внеязыковой действительности осуществляется за счет словосочетаний с существительным, выражающим то или иное действие. Ср.: мускулы играют – *jeu des muscles*. Эта модель отражает тенденцию французского языка к субстантивному стилю, к активному использованию различных именных структур. Ср.:

За займищем грозно чернело небо, степь выжидаяще молчала [Шолохов 2009: 13].

J'aimais tant le ciel d'hiver, un ciel étroit, noir de pluie qui se poussait contre le vitre [Sartre 1974: 29] [перевод: Как я любил зимнее небо, небо низкое, черное от дождя, стучащего по окнам].

Русский язык избирает акциональную образ-схему даже в случаях описания статического действия. Ср.:

Он дивился атласной белизне оголенных икр, лишь на круглых пятках кожа молочно желтела [Шолохов 2009: 9].

Сожженная загаром и работой рука угольно чернела на белой Аксиньиной кофточке [там же: 13].

Другим, не менее важным свойством предиката является его тяготение к более абстрактной форме, что ведет к смене категориальных статусов аргументов пропозициональной структуры. Если рассматривать развитие пропозиции в диахроническом плане, то обнаруживается, что функция $y = f(x)$ является нулевой, а при приращении концептуальной характеристикой (α) получаем производную функцию (f'). Все последующие функции (f' , f'' ... f^n) и т.д. являются производными функциями второго и третьего порядка от функции нулевой, так как сохраняются базовые ее характеристики при условии, что нулевая функция (f) является константой, а приращенная концептуальная характеристика (α) сохраняется в производных функциях следующих порядков.

Интересен в качестве иллюстрации португальский глагол «*chegar*». Имеющий значение «сворачивать паруса», он приобрел за счет концептуальной характеристики «локативность» предикат «движение», так как моряки по прибытии в порт сворачивали паруса [Cunha 2003: 178]. Однако в настоящее время «*chegar*» обладает следующими значениями: 1) прибывать, приезжать; 2) достигать; доходить до; 3) приходить, наступать; 4) хватать, быть достаточным; 5) находить (решение) и, соответственно, следующими концептуальными

характеристиками: темпоральность и тотальность. Перечисленные концептуальные характеристики связываются с нулевым предикатом «движения» с дополнительной концептуальной характеристикой «локативность». В неактуализированном виде человеческое подсознание, как правило, воспринимает значение языковой единицы посредством предиката высшего порядка, так как он обладает наибольшей концентрацией элементов фрейма [там же]. В примере показано употребление глагола «chegar» при актуализации нулевого предиката «состояние». Ср.:

Perguntou silenciosamente quanto tempo ele ficaria por ali, e não chegou a nenhuma conclusão [Coelho 2013: 13] [перевод: Она спросила себя, долго ли он у них пробудет, и не нашла никакого ответа].

В следующем примере актуализирован предикат второго порядка «движение», так как нет сопутствующих элементов, и единица воспринимается через данный предикат.

Quando o estrangeiro chegou, Chantal estava ensopada de chuva; a tempestade havia recomeçado [там же: 32] [перевод: К тому времени, когда чужестранец пришел, Шанталь промокла насквозь; вновь разыгралась буря].

Итак, развитие предикативной структуры имеет двусторонний характер. С одной стороны, предикат тяготеет к более абстрактной форме, которая выражается в постепенной потере конкретных актантов пропозициональной структуры. Это влечет за собой постепенное абстрагирование предиката, что делает его предикатом первого порядка по отношению к предикатам более конкретным. Предикаты первого порядка обладают свойством атомарности и латентности и с точки зрения падежной грамматики восходят к субъектно-объектным отношениям. Атомарность предиката проявляется в способности соединять актанты различных категорий и участвовать в образовании и развитии более конкретных предикатов. Латентные предикаты в таком случае являются предикатами первого порядка и несут культурный и когнитивный ген предикатов и пропозициональных структур второго порядка. В исследуемых языках среди атомарных предикатов первого порядка выделены «посессивность», «существование», «акциональность», «перемещение», «обладание», на основе которых формируются предикаты второго и последующего порядков.

Главными языковыми факторами процессов детализации и углубления, по нашему мнению, являются устойчивость (неокказиональность) языкового выражения, частотность его употребления, нерасчленимость элементов, сильная привязка к денотативной ситуации и парадигматическая направленность.

Второй вид деривационных процессов представлен двусторонним взаимопроникновением процессов на концептуальном и языковом уровнях, обусловленным перестройкой и/или возникновением вторичных (однокоренных) единиц от первичных. Формирование дериватов синтетического типа включает несколько этапов когнитивных операций на основе эквивиальности человеческого мышления и стремления языковой системы к экономии. Второй вид деривационных процессов представлен изменениями суффиксального, префиксального, префиксально-суффиксального типов, а также словосложением.

В русле пропозиционального анализа выяснилось, что деривационные узлы формируются на основе концептуальных характеристик, входящих в состав всех элементов пропозиции: облигаторных – субъекта, объекта и предиката и факультативных – сирконстантов. При изучении языковой деривации в первую очередь анализируются взаимоотношения концептуальных основ, стоящих за производящей и производной основами в отношении «первичность – вторичность».

Как показало исследование, деривационная пропозиция обладает следующими особенностями: сворачиваемость, инклюзивность и однородность. Определено, что сворачиваемость – это отношение профилированных элементов и общего числа концептуальных характеристик. При аффиксальной деривации пропозиция характеризуется вторым и третьим видами сворачиваемости. Вторым видом представлен профилированием предиката и объекта, третий вид – профилированием не только предиката и объекта, но и сирконстанта. При этом каждый вид имеет градацию по степени свернутости. Также выделены случаи полусвернутости пропозиции, которая заключается в наличии двух эквивалентных языковых единиц, выраженных как при помощи одного слова, так и при помощи конструкции «глагол + существительное». Пропозиция может быть свернута до минимума элементов, но лишь до такого количества, когда при дальнейшей сворачиваемости дериват перестает существовать либо он не будет понятен говорящим (носителям языка). При этом возникает эффект понижения энтропии и импликации, то есть сокрытия или потери информации. Информационная диспропорция может быть преодолена за счет свойства инклюзивности, то есть способности пропозиции включаться в более крупную структуру.

Математический метод подсчета коэффициентов влияния энтропии деривата на информативность дискурса показывал, что при снижении энтропии на 1 %, информативность в среднем понижается на 2,5 %. Соответственно, информативность оказывается наиболее зависимой от энтропии деривата, то есть деривационные процессы оказываются очень важными для соблюдения, с одной стороны, языковой экономии, а, с другой, смысловой полноты вторичной единицы. В результате понижения энтропии и информативности могут возникнуть псевдоинформация и имплицитность дискурса, которые могут быть преодолены за счет включения большего контекста. Это подтверждает и другое свойство пропозиции: ее однородность.

Однородность также дает пропозиции возможность реализовываться в различных языковых морфологических и синтаксических единицах одновременно. Когнитивная однородность при деривации ярко проявляется при исследовании языка в диахроническом плане.

Построены деривационные когнитивные модели, отображающие концептуальные характеристики взаимодействующих основ и в дальнейшем воссоздающие концептуальную структуру деривата. В подобных моделях выделяются ядерные и периферийные концептуальные компоненты со связующими их предикатами, которые устанавливают определенный тип их

отношений. Деривационный потенциал субъекта/объекта реализуется при актуализации концептуальных характеристик в одном из видов субстанциональной образ-схемы либо при приращении концептуальной характеристикой в самой образ-схеме.

Наиболее важными концептуальными характеристиками при деривационных процессах по второму виду являются «локативность», «контейнер», «фазовость», «результативность», «социативность», «аттенюация», «интенсивность», «квантитативность», «привативность», «партитивность», «отрицание», «контрарность». Их присутствие во всех трех исследуемых языках говорит об их онтологическом и универсальном характере типа; их соотношение зависит от конкретного языка. Также необходимо говорить о превалировании одной концептуальной характеристики над другими. Так, в русском языке концептуальная характеристика «результативность» доминирует над другими, что также связано с проблемой аспектуальности при глагольной деривации. Во французском и португальском языках доминирующей оказывается характеристика «контрарность», то есть для исследуемых романских языков важным оказывается факт наличия противоположных действий. Также выявлено, что при втором виде деривационных процессов наблюдается взаимодействие лексико-тематической группы «организм человека» с такими же группами-реципиентами, как и при первом виде деривации, а именно, «деятельность человека», «артефакты», «живая природа», «неживая природа», что свидетельствует о языковой деривации, как об универсальном способе пополнения лексического состава языка. Лексико-тематическая группа «организм человека» является крупным донором для перечисленных групп-реципиентов; лексико-тематическая группа «огнестрельное оружие» не проявляет свойства донорства.

Под образ-схемами понимается динамические структуры перцептивной и моторной деятельности человека, которые обеспечивают связность и упорядоченность нашего опыта [Johnson 1990: 101]. Выбор определенного набора концептуальных признаков при актуализации образ-схемы зависит от акцентирования внимания на ее составляющих. Выбранные концептуальные признаки могут быть выражены различными частями речи. Об этом свидетельствует на языковом уровне частеречная преемственность, то есть сохранение концептуальных характеристик и лексико-грамматических особенностей слова при переходе его из одной части речи в другую [Макарова 2007: 8]. Ср.: стрелять из (лука, пистолета, автомата, пушки и т.д.) → стрельба из (лука, пистолета, автомата, пушки и т.д.). Различие может проявляться в вербализации сопутствующих элементов, которые зависят уже от особенностей самих частей речи. Ср.: честная игра (прилагательное + существительное) → играть честно (глагол + наречие).

Нередко в результате деривационных процессов наступает конверсия, то есть переход первичной языковой единицы из категории имени существительного в другую, а также наблюдается ее выход за пределы лексико-тематической группы «организм человека». Таким образом, во-первых, необходимо

анализировать конверсию с точки зрения образ-схемы, во-вторых, деривационные процессы по второму виду также приводят к взаимодействиям разных лексико-тематических групп, то есть одна группа (в частности, «организм человека») является для другой донором.

Схема взаимодействия группы «организм человека» с другими группами по второму виду деривации выглядит как матрица (рисунок 3).

Рисунок 3 – Взаимодействие лексико-тематических групп при втором виде деривационных процессов

Анализ рисунка 3 показал, что при втором виде деривационных процессов область «организм человека» является внутренним донором, то есть характеризуется внутренним саморазвитием, что в данном случае второй вид деривационных процессов сближает с процессом конкретизации (ср.: маленькая рука (детализация) – ручка (суффиксация)). Во-вторых, при данном виде деривации, в отличие от первого вида, активнее взаимодействует с областью «артефакты», менее активно с «живая природа», «неживая природа», «деятельность человека». Таким образом, детализация и углубление есть процессы универсальные. Рассмотрим деривационные процессы по второму виду в следующих аспектах: 1) в разрезе представленной схемы; 2) в аспекте свойств деривационной пропозиции. Также необходимо отметить универсальный характер концептуальных характеристик, который заключается в том, что концептуальная характеристика является концептуальной основой для деривации по второму типу, и в то же время служит концептуальным основанием взаимодействия различных лексико-тематических групп. Ср. образование вторичной единицы *язычок* в значении: '1. уменьш. от язык. 2. анат. отросток заднего края мягкого нёба у человека. 3. ботан. небольшой вырост у основания пластинки листа злаковых и некоторых других растений. 4. подвижная, укрепленная одним концом пластинка у различных предметов, механизмов' [БТС]. Можно предположить, что в производной языковой единице концептуальные характеристики «форма» и «аттенюация» влияют на формирование вторичной единицы, но и способствуют выходу ее за пределы группы «организм человека» на основе схожести объектов.

Реализация деривационного потенциала лексико-тематических групп по суффиксальному типу

Реализация деривационного потенциала по суффиксальному типу осуществляется за счет активного взаимодействия предиката с деривационными узлами левой части пропозиции. В результате возникают вторичные единицы, выражающие категориальную соотнесенность с производящей единицей.

При этом сворачиваемость пропозиции осуществляется по второму и третьему видам, то есть «объект + предикат», «предикат + сирконстант», «объект + предикат + сирконстант». При этом предикат и сирконстант выражены морфологическим (аффиксальным) способом, что принципиально отличает второй вид деривации от первого.

Прежде всего речь идет о формировании глаголов с общим значением «совершать действие, свойственное тому, что названо мотивирующим существительным» [Краткая русская грамматика: 110]. В него входят следующие глаголы, образованные от первичных существительных лексико-тематической группы «организм человека» и «огнестрельное оружие»: *braço* → *acessar os braços* → *bracear*, *cabeça* → *pôr alguém na cabeça* → *cabecear*, *nariz* → *pôr no nariz* → *nasalizar*; *olho* → *pôr os olhos* → *olhar*; *coude* → *faire un coude* → *couder*; *coude* → *mettre des coudes* → *coudoyer*; *yeux* → *mettre des yeux* → *zeyer*; *морщина* → *делать морщины* → *морищить (о лице)*; *глаз* → *положить глаз* → *глазеть*; *мозг* → *работать мозгами* → *мозговать*; *кость* → *делаться как кость* → *костенеть / os* → *convertir en tissu osseux* → *ossifier*; *кровь* → *дать кровь* → *кровоавить*; *denteler* → *découper le bord en forme de petites dents / dentear* → *pôr nos dentes*; *doigt* → *poser des doigts* → *doigter*; *braço* → *mover com os braços* → *brecejar*; *dente* → *recortar em forma de dente* → *denticular*; *sang* → *faire couler du sang* → *saigner* [Cunha 2003; DU 2008; Федорова 2012, БТС].

Существительные с общим значением «действие или состояние, характеризующееся отношением к какому-нибудь предмету, явлению» [Figueiredo Silva 2009: 67; PR: 2799], то есть пропозиция оформлена по субстанциональной образ-схеме на основе предиката «каузация», выраженного в суффиксе: *ossification*, *ossements*, *olhadela*, *nasalação*, *dentada*, *dentição*, *dentificação*.

Обозначенным выше схемам соответствуют дериваты лексико-тематических групп области «организм человека», сопряженной с областью «деятельность человека (медицина / наука / наука о языке)». Ср.: *глазник*, *dentiste*, *dentista*, *caradura*, *careteiro*, *cabeleireiro*, *cabecilha*, *olhador*, *armador*, *visagiste*, *visagisme*, *langage*, *langueyer*, *dentellier*, *dentier*, *dentisterie*, *braçaria*, *linguagem*, *linguajar*, *linguistica*, *linguiste*, *armígero*.

Следующий класс дериватов, образованных суффиксальным способом, обозначает различные части организма и его свойства: *глазница*, *костяшка*, *язычок*, *oeillard*, *dentine*, *dentition*, *cervelet*, *cervelle*, *antebraço*, *perneira*, *carantonha*, *narícula*, *dentina*, *cerebelo* [см.: Cunha 2003; DU 2008; Федорова 2012].

Следующие производные лексические единицы являются субстантивными или прилагательными с оценочным элементом или с указанием на признаковость.

При этом в данном случае можно говорить о **третьем виде** свернутости пропозиции, а именно: **объект – предикат – сирконстант**. Ср.:

1. Существительные – уменьшительные, значение которых квалифицирует предмет как малый по размерам или по степени проявления характерных для него признаков, свойств [Краткая русская грамматика 1989: 66; PR: 2800; Figueiredo Silva 2009: 71]: *ручонка, рученька, ножка, головка, головочка, головушка, головенка, личико, язычишко, язычок, пальчик, пальчонок, глазочек, глазик, глазенки, глазоньки, носик, волосик, волосок, волосочек, волосенки, косточка, зубок, зубочек, зубенки, ушко, кровушка, кровинка, кровиночка, кровинушка, osselet, jambette, pernetta, lingueta, dentículo, narina*.

2. Существительные с увеличительным значением (квалифицирующее предмет как большой по размерам или по степени проявления характерных для него признаков, свойств, с возможными наращиваниями разнообразных оценок, часто – с оттенком фамильярности) [там же]; подразделяют на подкласс конкретных существительных отражают концептуальную характеристику «тотальность»: *ручища, ножище, глазище, носище, кровища, têtard, oreillard, pernalta, carão, cabeça, dentiço, armada / armement, armistice, armoiries*, а также подкласс абстрактных существительных: *рукастость, головастость, языкастость, глазастость, волосатость, зубастость, костистость, костлявость, закостенелость, сердечность, носатость, ossature, dentelure, denture, cordialité, braçada, braçagem, dentadura, dentiça*.

Следующий класс прилагательных обозначает отнесенность к предмету (неодушевленному) или явлению [Краткая русская грамматика 1989: 88; PR: 2801; Cunha 2009: 97]. Как показал пропозициональный анализ, подобные прилагательные актуализируют концептуальную характеристику «посессивность».

1. Прилагательные со значением отнесенности к предмету (неодушевленному), явлению [Краткая русская грамматика 1989: 88; PR: 2797; Figueiredo Silva 2009: 71]: *ручной, зубовой, головчатый, головастиковый, язычковый, пальчатый, глазничный, волосковый, волосяной, зубчатый, косточковый, костный, костяной, кровяной, кровянистый, кровный, osseux, dentée, codial, linguaraz, linguiforme, cabeça, cabeçudo, zarolho, escabelado, dentado, denticulado, denteforma, dentígero; оружейный*, образованные на основе предиката «посессивность».

Ср.: *он имеет (густые) усы → усатый*. В данном примере показана пропозициональная структура, в которой продемонстрирована полная сворачиваемость левой части, а объект принимает дополнительную характеристику «посессивность», выражаемую на языковом уровне при помощи синтетической деривации: *рукавный, рукавичный, головной, глазной, носочный, носовой, зубной, сердечный, мозговой, головневый, языковой, jambier, langagier, dentaire, dental, braçal, lingual, nasal, nasalado, cabeleira, dental, dentário, cerebral, cerebrino, оружейный, винтовочный*.

Следующие прилагательные-дериваты образуются за счет деривационного узла, сформированного на основе взаимодействия двух концептуальных характеристик.

2. Прилагательные с дополнительным компонентом «интенсивный признак», «в большом количестве» или «хорошего, высокого качества» [Краткая русская грамматика 1989: 90; Cunha 2009: 96] (то есть деривационный узел «свойство + тотальность»): *рукастый, головастый, языкастый, носатый, носастый, глазастый, волосатый, зубастый, зубатый, ушастый, костистый, костлявый, кровавый, olhudo, narigudo, cabeludo*.

3. Прилагательные, обозначающие качество в уменьшенном виде: *носатенький, пальчиковый*, то есть деривационный узел «свойство + аттенюация».

4. Прилагательные, обозначающие свойство объекта по его функции: *закостенелый, caradurismo, cabeçada, cabisbaixo, olhada, olhado, olheiras*, то есть деривационный узел «функция + результат» [там же].

Результатом также могут быть различные взаимодействия группы «организм человека» с такими группами, как:

Артефакты из различных сфер деятельности человека: *ручка, ручник, ручница, головня, головешка, глазок, зубец, язычок, armoire, jambage, jambière, jambon, jamboneau, jambonnette, languette, tête, oeillette, denticule, dentifrice, oreiller, braçadeira, bracelet, bracerote, caraça, careta, lingueta, cabeça, cabeça, cabeça, cabeça, olhal, narigada, dentifricio*.

Отдельно можно выделить **артефакты, представляющие одежду или ее часть:** *рукав, рукавчик, рукавица, рукавичка, носок, носочек, рукавичник, doigtier, oeillet, dentelle, oreillette, oreillon, perneiras, cabeça, cabeleira*. Мы особо подчеркнули данный подкласс дериватов, так как они в полной мере отражают объекты, тесно связанные с человеческим организмом. Можно предположить, что они сформировались за счет концептуальной характеристики «функция», нередко в сочетании с характеристиками «локативность», «аттенюация», образуя деривационные узлы.

В романских языках также формируется несколько дериватов со значением 'военное искусство': *armação, armadilha, armadura, armature* на основе концептуальной характеристики «тотальность» и «свойство».

По концептуальной характеристике «форма» сформированы дериваты лексико-тематических групп «животный мир»: *головастик, pernil, linguado* и «растительный мир»: *oeillette, dentaire, dentelaire, dentelária, lígula, cabeluda*. Можно предположить, что данное взаимодействие осуществляется на основе интеграции концептуальных характеристик «свойство» и «форма».

Реализация деривационного потенциала по типу словосложения

Следующий класс дериватов, обнаруженных в лексико-тематической группе «организм человека», – это композиты. В данном случае мы имеем суффиксально-сложные существительные с нулевым и «опорным компонентом, содержащим глагольную основу, которые обозначают отношение к действию или само действие, названное глагольной основой и конкретизируемое предшествующей основой» [Краткая русская грамматика: 79]. Пропозиция

свернута также по **второму и третьему видам**, однако предикат вербализован посредством отглагольной формы.

Как видно из приведенных примеров, деривация словосложения сопровождается выходом сложных слов за пределы лексико-тематической группы «организм человека». Например, лексико-тематическая группа «организм человека» служит донором для группы «артефакты» и формирует слова, обозначающие объекты и приспособления, нередко для различных манипуляций с частями тела человека. Существительные со значением «орудие, машина, механизм, приспособление, предназначенное для совершения действия» [Краткая русская грамматика 1989: 82; PR]: *теплоход, луноход, sèche-cheveux; pince-nez; tord-nez; tire-l'œil; trompe-l'œi; garde-bras; porte-bras; serre-bras; appui-bras; perce-oreille; pince-oreille; rotège-oreille; accroche-cœur; abaisse-langue*.

Наиболее частотными французским и португальским глаголами из лексико-тематической группы «организм человека», при помощи которых выражается предикат «движение», являются *passer/passar*. Необходимо отметить, что при образовании слов глагол «*passer/passar*» проявляет свою полифункциональность и многозначность в полной мере; он обозначает не только движение, но и времяпрепровождение. Ср.: *passe-bande, passe-bas, passe-boule, passe-carreau, passe-crassane, passe-debout, passe-droit, passa-faixa, passa-fora, passa-moleque, passa-noite, passa-pé, passa-piolho, passa-tudo* [PR 1821; Priberam].

Также отмечается взаимодействие с другими лексико-тематическими группами, в частности, такими, как «живая природа» *носорог*, «человеческая деятельность (наука / медицина)» *языкознание, языковедение, языковедческий, зубообразование*.

Третий вид свернутости пропозиции, в котором помимо объекта и предиката в вербализованном виде оказывается и сирконстант, представлен композитами, содержащими в опорном компоненте основу существительного, а в первом компоненте – основу прилагательного [Краткая русская грамматика: 101]: *лупоглазый, пучеглазый, белозубый, длинноногий, разноязыкий, одноглазый, пятипалый, носогубной, переносица, косоглазие, косоглазость, зуборезный, хладнокровный, cabeladura*.

Помимо обозначенных выше дериватов отмечаются сложные существительные с нулевым суффиксом, которые содержат в опорном компоненте основу существительного (преимущественно со значением части тела или неотъемлемого признака живого существа), а в первом компоненте – основу прилагательного, числительного, существительного и имеют значение: «Обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения» [Краткая русская грамматика 1989: 101; Figueiredo Silva 2009: 68]; с точки зрения концептуальных основ делятся на два типа.

1. Прилагательные, обозначающие качество: *косоглазый, черноглазый, ясноглазый, белозубый, курносый* с концептуальной характеристикой «свойство» и «объект», а также в некоторых случаях «аттенюация» на предикативной основе.

2. Прилагательные, обозначающие количество: *двухязычный, многоязычный, трехязычный* сформированы за счет деривационного узла на предикативной основе характеристик «свойство», «объект» и «квантитативность».

Реализация деривационного потенциала по префиксально-суффиксальному типу

Прежде всего дериватами являются существительные и прилагательные с пространственным значением, образованные за счет следующих деривационных узлов:

1) дериваты с пространственным значением [Краткая русская грамматика 1989: 97], образованные за счет узла «свойство+локативность»: *межъязыковой, надъязыковой, подъязыковой, подсердечный, надкостный, подкостный, изголовный, поголовный*;

2) «привативность», образующая дериваты со значением отсутствия чего-либо [там же]: *descaramento, безрукавный*;

3) «тотальность+привативность», образующая абстрактные существительные и прилагательные, обозначающие полное отсутствие чего-либо [там же]: *безрукость, безрукавка, беззубость, безъязычный, бессердечный, бескосточковый, бескостный, бескровный, безоружный*;

4) «локативность», формирующая существительные, обозначающие предметы, связанные с лексико-тематической группой «организм человека»: *наручник, наручный, поручень, изголовье, изголовьице, нарукавник, entrepenna*, а также абстрактные слова *asareaçãõ*;

5) «квантитативность» для абстрактных слов *поголовье, поголовица*, принадлежащих лексико-тематическим группам «живая природа» и «деятельность человека».

Как видно из приведенных примеров, подобные дериваты принадлежат в равной степени лексико-тематическим группам «организм человека», «артефакты», «животный мир» и «деятельность человека».

При формировании префиксального глагольного деривата напрямую от субстантива (или прилагательного) в рамках акциональной образ-схемы наследуются основные концептуальные характеристики за счет когнитивного механизма «концептуальное наследования» с моментальным приращением дополнительной концептуальной характеристикой, которая входит в состав того или иного сирконстанта. Ср.:

Обезнадежить – **лишить** надежды [БТС].

*Надежда – {субъект – предикат – объект} + обез- {**отрицательная привативность**} => обезнадежить {субъект – предикат – **объект имеет статус негативного привацианта**}.

Полисемантические дериваты обладают низкой энтропией. Выяснилось, что снятие полисемантической и повышение энтропии происходит в момент формирования языковой единицы за счет актуализации и последующей четкой фиксации концептуальной характеристики. Следующий пример демонстрирует сильную привязку одной концептуальной характеристики к актуализированному

предикату говорения в глаголе «batailler». Рассмотрим формирование этой языковой единицы.

Пропозициональная структура слова «bataille» содержит следующие концептуальные характеристики: **action** (предикат) de deux **armées** (субъект) qui se livrent **combat** (объект); cheval de bataille (объект); champs de bataille (сирконстант (локативность)); ordre de bataille (сирконстант (локативность)); en bataille (сирконстант (форма)). Каждая из перечисленных характеристик может быть вербализована прямо или метафорически в различных контекстах [Nouveau Petit Robert 2008: 229–230]. Например:

<...> *le bonnet de laine que mon père lui a offert enfoncé sur ses cheveux en bataille* <...> [Vigan 2007: 94] [перевод: Шерстяная шапочка, которую подарил ей мой отец, была надвинута на взъерошенные волосы]. → сирконстант (форма).

Языковая единица «batailler (= contester, disputer avec ardeur pour persuader)» формируется за счет актуализации концептуальной характеристики объект (combat) с последующей его привязкой к предикату «говорение». Ср.: *Il a fallu batailler pour arracher cette concession* [Nouveau Petit Robert 2008: 127].

Angela Merkel va devoir batailler pour convaincre les députés les plus frileux de sa formation politique [BFMTV URL] [перевод: Ангела Меркель должна принять вызов на словесную дуэль, чтобы убедить самых осторожных депутатов в проводимой ею политике].

При многообразии ситуаций каждая пропозициональная структура принимает более объемную форму и начинает тяготеть либо к полному своему воплощению, либо к сворачиваемости по принципу «фигура – фон» в результате когнитивного механизма профилирования. В результате этого энтропия деривата повышается, но не влияет на его информативность, так как он при актуализации одной концептуальной характеристики не приводит к потерям неактуализированных концептуальных характеристик.

Как показало исследование, в русском языке количественно преобладают префиксальные прилагательные, а префиксальные существительные в большинстве случаев образуются от префиксальных глаголов, что свидетельствует о вербоцентричности русской. Исследуемые романские языки, напротив, довольно часто формируют префиксальные существительные, от которых происходят префиксальные прилагательные и глаголы. Поэтому французский и португальский языки тяготеют к субстанциональной образ-схеме, которые обладают большей, чем русские, разветвлённой сетью концептуальных связей. Субстанциональные дериваты в романских языках оказываются также более свернутыми и поэтому сильнее подвержены понижению энтропии и возникновению псевдоинформации.

Реализация деривационного потенциала по префиксальному типу

По данному типу можно отметить небольшое количество дериватов – префиксальных субстантивов, характерных прежде всего для французского языка. Например, от первичных единиц «bras» и «cœur» формируются такие префиксальные дериваты, как *contre-cœur*, *contrecœur*; *ancœur*; *anticœur*; *avant-cœur*; *rancœur*; *sacré-cœur*; *sans-cœur*; *nez-en-cœur*; *contrecœur*; *arrière-bras*; *avant-*

bras; dessous-de-bras. При этом лексико-тематическая группа «организм человека» взаимодействует с группами «артефакты» и «неживая природа», так как данные префиксаты обозначают предметы и виды растений.

Прилагательные со значением отнесенности к предмету (неодушевленному), явлению с дополнительным значением «лишенный чего-либо»: *безрукий, безязыкий, беспалый, безглазый, безносый, безволосый, беззубый, безухий, descarado, descaro, descabelado, desdentado*. Соответственно, сирконстанты могут иметь в профилированном виде как одну, так и несколько концептуальных характеристик в деривационном узле. В данном случае характеристика «свойство» формирует деривационный узел вместе с характеристикой «привативность».

Однако более ярко данный вид деривации проявляется при глагольной деривации, что говорит о сильной привязке сирконстантов к различным предикатам. Говоря о «центростремительности» русского языка, Л. Теньер констатирует тенденцию использования сирконстанта перед предикатом, что свидетельствует о сильной валентной связи между данными членами пропозициональной структуры [Tesnière 1969: 138].

Перевести – **ведя прочь, переместиться с одного места на другое** [БТС].

Вести – {субъект – предикат – объект – **локативность (терминальность из точки А в точку Б)**} + пере- {**локативность (терминальность из точки Б в точку А)**} => перевести – {субъект – предикат – объект – локативность (терминальность из точки А в точку Б)}.

*Совсем обессилов, он стащил с плеча свой автомат, **перевел** дрожащими пальцами предохранитель на единичные выстрелы и, направив ствол на юг, выстрелил и позвал: «Люди!»* [Глуховский 2012: 60].

Transporter – déplacer d’un lieu à un autre en portant [LPR 2606].

Porter – {субъект – предикат – объект} + trans- – {**локативность (терминальность из точки А в точку Б)**} => transporter – {субъект – предикат – объект – локативность (терминальность из точки А в точку Б)}.

Transcorrer – passar algem, decorrer, perpassar [Cunha 782].

Correr – {субъект – предикат – объект – **локативность (место-детерминатив)**} + trans- – {**локативность (сквозь объект)**} => transcorrer – {субъект – предикат – объект – локативность (место-детерминатив/сквозь объект)}.

*Nenhuma agressão foi ouvida, e a cerimônia **transcorreu** como sempre* [Coelho 2006: 89] [перевод: Никакой агрессии не последовало, и церемония прошла как обычно].

Как показало исследование, для русского языка важной оказывается и концептуальная характеристика «фазовость». Романские языки, несмотря на большое количество фазовых префиксов (*pré-, ante-, ex- e-, de-, dé-, des-, dés-, dis-, re-*), вербализуют данный сирконстант в большей степени посредством лексических компонентов, что делает пропозицию более развернутой.

Концептуальные характеристики «фазовость (повтор)» и «фазовость (предшествование)» представлены во всех трех лингвокультурах, остальные

характеристики – «фазовость (начало действия)» и «фазовость (конец действия)» концепта «время» – в качестве деривационных узлов представлены только в русской лингвокультуре. Французский и португальские языки в данном случае вербализуют такие концептуальные характеристики лексическим способом (в большинстве случаев за счет таких глаголов, как *commencer à* и *se mettre à* во французском языке и *começar* в португальском языке). В результате пропозиции с актуализированными характеристиками «фазовость (начало действия)» и «фазовость (конец действия)» в исследуемых романских языках оказываются более развернутыми с меньшей энтропией и информативностью соответственно.

Также необходимо говорить о доминировании той или иной онтологической концептуальной характеристики в каждой из рассматриваемых лингвокультур. На рисунках 4–6 представлены результаты подсчета статистических данных, проведенного на основе префиксальных глаголов и отглагольных субстантивов.

Для русской лингвокультуры важными оказываются характеристики «интенсивность», «результативность», «аттенюация». Для французского и португальского языков превалирующей оказывается концептуальная характеристика «контрарность». Также для португальской лингвокультуры важной характеристикой, оказывающейся в свернутом виде, является «результативность», благодаря высокой продуктивности префикса *a-*, вербализующего данную характеристику.

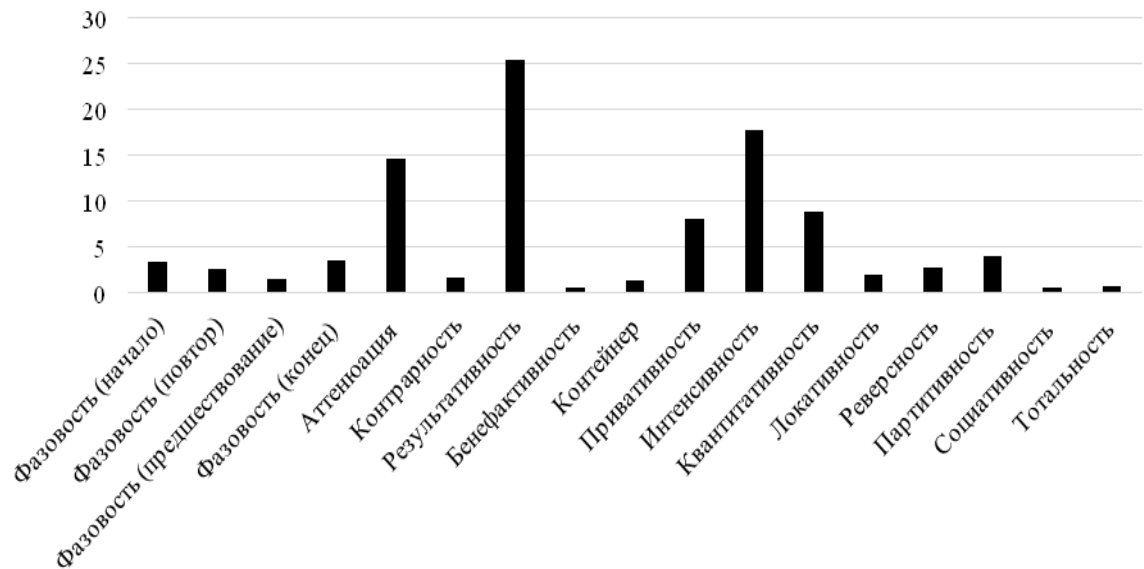

Рисунок 4. Соотношение концептуальных характеристик в русском языке

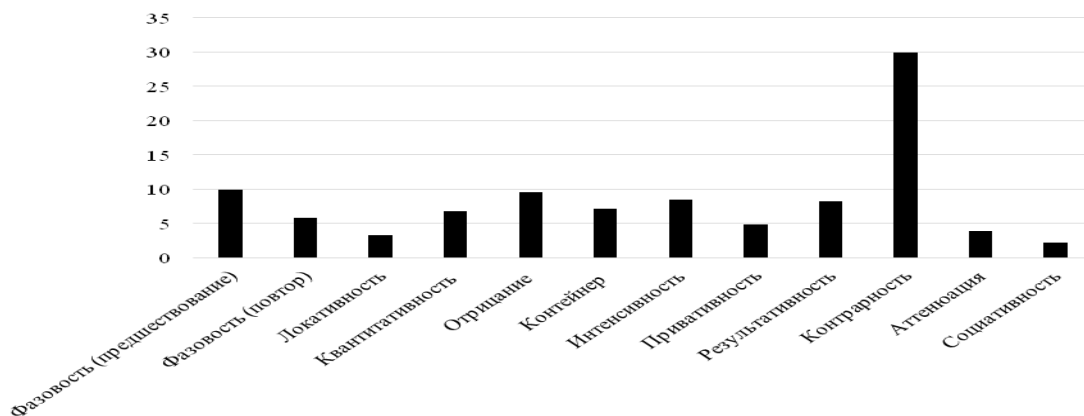

Рисунок 5. Соотношение концептуальных характеристик во французском языке

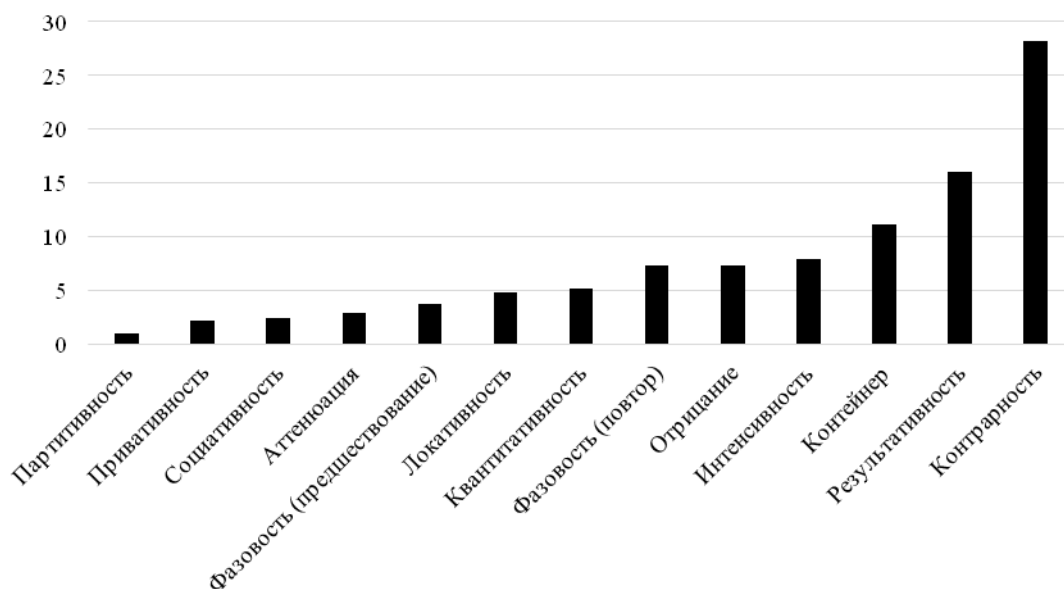

Рисунок 6. Соотношение концептуальных характеристик в португальском языке

Как показал статистический анализ, свернутые концептуальные характеристики в дискурсе представляют собой неоднородное соотношение с очевидным преобладанием одной (одних) характеристики над другими. Так, на рисунке 7 можно увидеть, что в русской лингвокультуре в процентном соотношении преобладают концептуальные характеристики «аттенюация», «отрицание», «интенсивность». Срединное положение занимают характеристики «фазовость (конец)», «результативность», «привативность». Все остальные характеристики, как показало исследование, имеют менее 6 %.

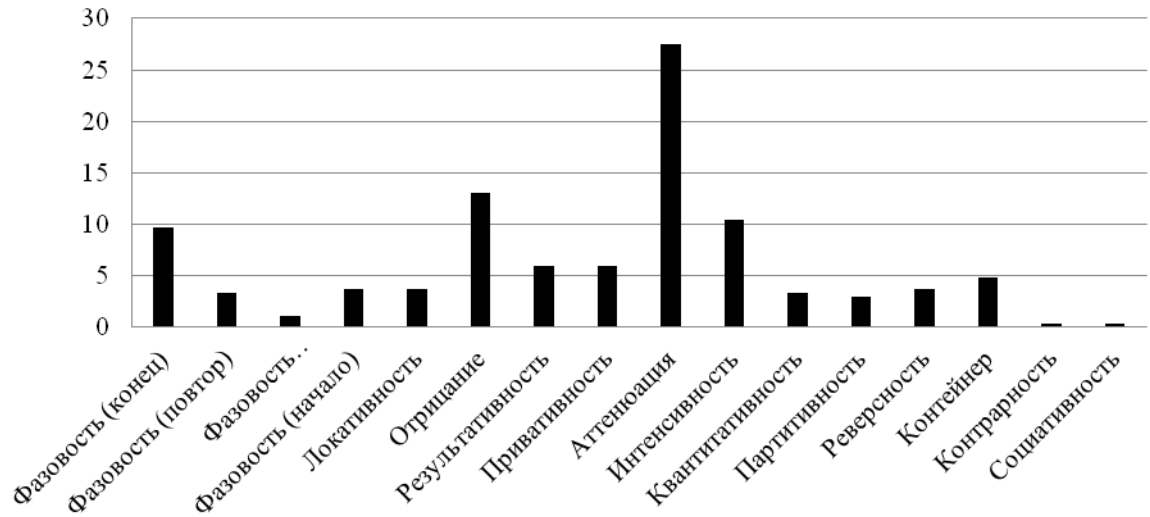

Рисунок 7. Соотношение концептуальных характеристик в русском дискурсе

Во французском исследуемом дискурсе количественно преобладают концептуальные характеристики «контрарность», «фазовость (повтор)», во втором эшелоне следуют характеристики «привативность», «контейнер» и «реверсность». Все остальные концептуальные характеристики составляют менее шести процентов. В португальском дискурсе, как и во французском, преобладает в первую очередь концептуальная характеристика «контрарность» (25 %). Также доминируют «отрицание» и «привативность», все остальные рассмотренные характеристики по отношению к перечисленным имеют менее 10 % (см. рисунки 8–9).

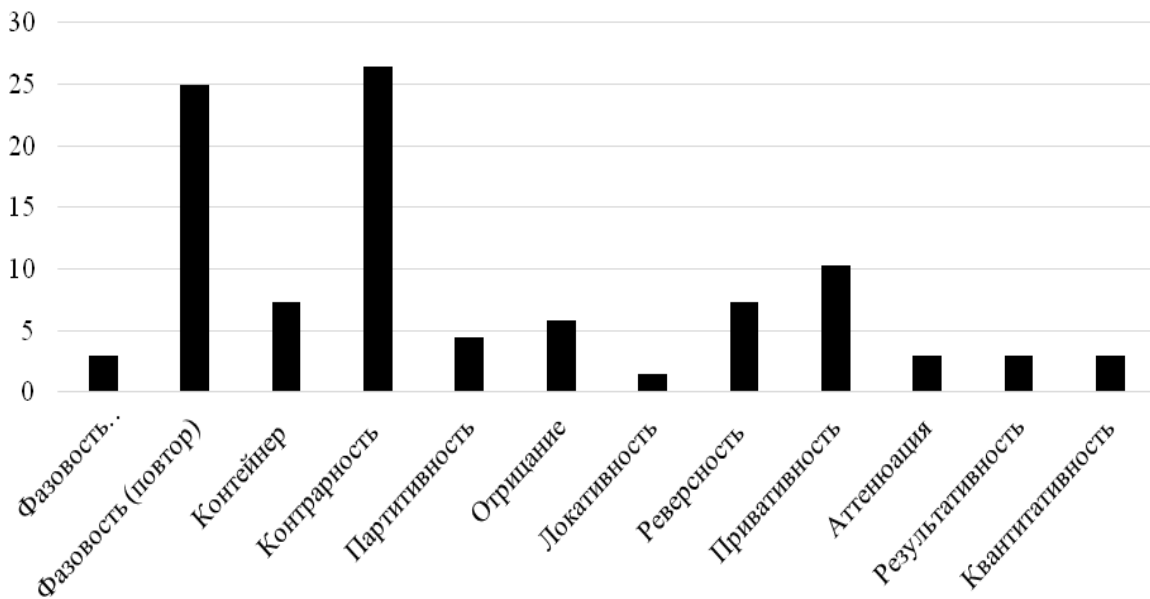

Рисунок 8. Соотношение концептуальных характеристик во французском дискурсе

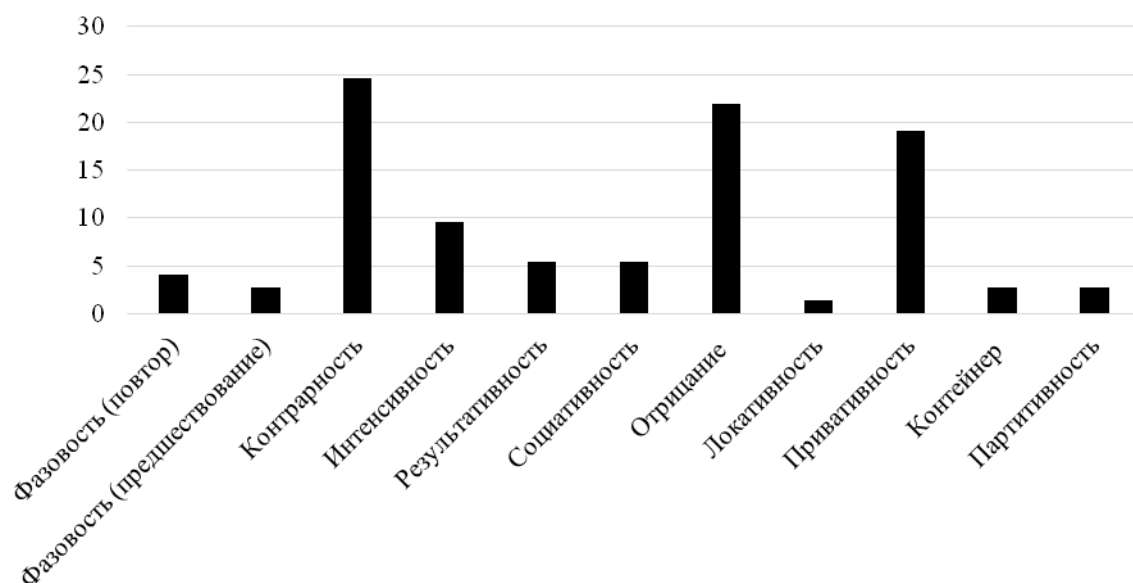

Рисунок 9. Соотношение концептуальных характеристик в португальском дискурсе

Математический анализ подсчета информативности и энтропии показывает, что при критической сворачиваемости пропозиции теряется прежде всего смысловая сторона текста (его информативность), содержащего дериваты. Посчитано, что при нарочитом снятии (удалении) префикса в деривате энтропия понижается. При этом чем больше количество дериватов со удаленными префиксами, тем меньше энтропия.

Например, в следующих примерах при искусственном опущении концептуальных характеристик «реверсность», «фазовость», «локативность», выраженных посредством префиксов *dé-*, *en-*, *ex-*, *o-*, *pro-*, *пере-* соответственно, фраза вошла в фазу не энтропии, а псевдоинформации: *Assis dans sa chambre, Mersault enleva sa veste, tira un peu sa cravate, sans la défaire, et retroussa machinalement les manches de sa chemise* → *Assis dans sa chambre, Mersault (en)leva sa veste, tira un peu sa cravate, sans la (dé)faire, et retroussa machinalement les manches de sa chemise* [Camus 2010: 74] [перевод: Сидя в своей комнате, Мерсо **снял** куртку, ослабил немного галстук, не развязывая его совсем, и машинально закатал рукава рубашки → Сидя в своей комнате, Мерсо **поднял** свою куртку, ослабил немного галстук, не **завязывая** его совсем, и машинально закатал рукава рубашки]. Соответственно, энтропия соотносится с информативностью, как парадигматический уровень соотносится с синтагматическим. Энтропия деривата – это совокупность всех возможных вариантов, информативность функционирует в реальном дискурсе.

Представленный текст в начальном (не трансформированном) виде коэффициент информативности текста представляет собой 552,715207361891, когда, как при трансформации этот коэффициент составляет 530,895870104559, что в 0,96 меньше. Энтропия нетрансформированного и трансформированного текстов составляет 3,892360615225 и 3,847071522497 соответственно, что меньше

в 0,98. Поэтому можно прийти к выводу о том, что энтропия понижает информативность текста примерно на два пункта (то есть $0,98 - 0,96 = 0,02$).

Поэтому можно увидеть, что при уменьшении коэффициента энтропии на 0,1 (или на 1 %) коэффициент информативности текста уменьшается на 0,025 (или на 2,5 %), если не учитывать длину исследуемых текстовых отрывков. Сравнение энтропии исследуемых текстов представлено в таблице.

Энтропия	Информативность
0,98	0,96
0,96	0,92
0,99	0,98
0,99	0,94

Если при этом длина текста будет разной, то и энтропия на информативность тоже будет воздействовать по-разному. На рисунке 10 представлены шесть групп, демонстрирующих нарочитое снятие словообразовательных элементов у дериватов. Первая колонка представляет собой снятие словообразовательного элемента у одного деривата, вторая колонка – у двух дериватов и т.д.

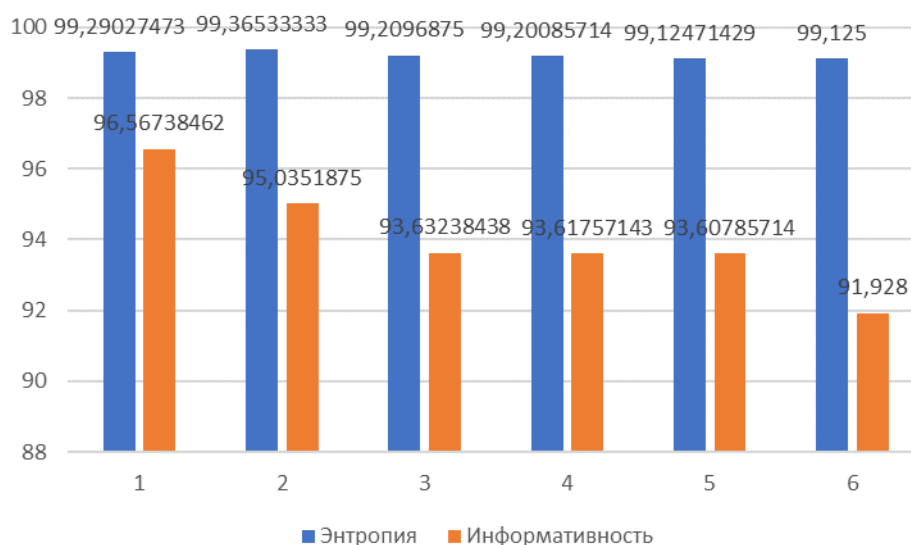

Рисунок 10 – Соотношение энтропии деривата и информативности текста

Частично преодолеть псевдоинформацию помогает свойство инклюзивности за счёт сопутствующих пропозиций, концептуальные характеристики которых должны быть более или менее когерентны упущенному сирконстанту и находиться близко от него. В следующем примере языковая единица «dépeigné» может быть понята за счет дополнительного элемента, синтаксической конструкции «retombaient en désordre sur son front»: *Ses cheveux dépeignés dans la course de train, retombaient en désordre sur son front jusqu'à deux plis profonds entre les sourcils <...>* → *Ses cheveux (dé)peignés dans la course de train, retombaient en désordre sur son front jusqu'à deux plis profonds entre les sourcils <...>* [Camus 2010: 74] [перевод: Его волосы, растрепанные ветром,

врывавшимся в окна поезда, в беспорядке падали на лоб и доставали до морщин между бровей <...> → Его волосы, **прижатые ко лбу** ветром, врывавшимся в окна поезда, в беспорядке падали на лоб и доставали до морщин между бровей].

Иногда контекст может выходить за рамки одной фразы. На концептуальном уровне для понимания необходима согласованная и связанная сеть пропозициональных структур (их инклюзивность), отражающих единую внеязыковую ситуацию. Анализ инклюзивности пропозициональных структур на уровне дискурса свидетельствует о сворачиваемости пропозициональных структур на определенных участках дискурса. Например,

*Alors je **me lance**, dans le **désordre**, et tant pis si j'ai l'impression d'être tout nue, tant pis si c'est idiot, quand j'étais petite je cachais sous mon lit une boîte à trésors, avec dedans toute sorte de souvenirs, une plume de paon du Parc Floral, des pommes **de pain**, des boules **en coton** pour se **démaquiller**, **multicolores**, un **porte-clés** clignotant et tout, un jour j'y ai **déposé** un dernier souvenir, je ne peux pas te dire lequel, un souvenir très triste qui marquait la fin de l'enfance, j'ai **refermé** la boîte* [Vigan 2007: 19] [перевод: Когда я решаюсь, кидаюсь в словесную пучину, и наплевать, если я чувствую себя глупо: когда я была маленькой, то прятала под кроватью коробку с сокровищами – перо павлина из зоопарка, шишки, разноцветные ватные шарики, брелок с лампочкой внутри и все такое; однажды я положила туда свое последнее сокровище, не могу сказать тебе, что это было, печальное воспоминание, которое отметило конец моего детства, потом я плотно закрыла коробку].

Так, в следующих языковых единицах наблюдается свернутость пропозиции по второму виду: «**me lance**», «**le désordre**», «**se démaquiller**», «**multicolores**», «**déposé**», «**refermé**»; до объекта и предиката: «**porte-clés**». При этом наблюдается также свернутость пропозициональной структуры по второму виду, но лексическим путем «**des pommes de pain**» и «**des boules en coton**», выражающаяся в актуализации сирконстанта за счет имени существительного, что характерно для французского языка в целом. В приведенном выше отрывке текста инклюзивность проявляется в сворачиваемости сирконстанта «локативность» при его актуализации в другом месте: je cachais **sous mon lit** une boîte à trésors, **avec dedans** toute sorte de souvenirs; jour j'y ai **déposé**.

Итак, инклюзивность пропозициональных структур коррелирует с контекстуальным функционированием языковых единиц и их стремлением к экономии, причем смыслообразующие факторы действуют на всех уровнях языковой системы, что подчинено в конечном счете правильному оформлению речи и дискурса. Поэтому дискурс является самодостаточной системой с наивысшей степенью инклюзивности различных интегральных и дифференциальных словообразовательных и синтаксических пропозиций. В последних происходят процессы одновременной актуализации всех концептуальных характеристик. Однако далее происходит процесс актуализации по типу «фигура – фон» определенной концептуальной характеристики и приращения к предикату.

Перспективы изучения деривационного потенциала лексических систем языка видятся нам в проведении исследований, посвященных изучению развития концептуальных областей как изолированно, так и в сопоставлении разных лингвокультур. Разработанная методика определения деривационного потенциала может послужить импульсом к исследованиям деривационных процессов на концептуальном и языковом уровнях.

Основное содержание диссертации отражено в следующих опубликованных работах:

Монография

1. Балакин, С.В. Концептуальная система русского, французского и португальского языков: деривационный потенциал : монография / под науч. ред. Л.А. Нефедовой / С. В. Балакин. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2015. 193 с.

Статьи из списка журналов, индексируемых международной системой Scopus

2. Balakin, S.V. Principes dérивatives et cognitives de la sphère verbale russe / S. V. Balakin // *Cadernos de Linguagem e Sociedade*. 17(2). 2016. P. 154–168.

Статьи из списка журналов, рекомендованных ВАК

3. Балакин, С. В. Употребление нейтральной лексики в речевых актах оскорбления как один из факторов концептуальной деривации / С. В. Балакин, А. А. Анков // *Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания*. 2011. С. 232–234.

4. Балакин, С. В. Деривационные механизмы в когнитивном аспекте / С. В. Балакин // *Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике*. 2012. С. 242–245.

5. Балакин, С. В. Использование когнитивно-матричного метода в исследовании деривационных процессов / С. В. Балакин // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2013. №12. С. 184–191.

6. Балакин, С. В. Тенденции русской языковой системы к актуализации акциональной образ-схемы / С. В. Балакин // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2013. Вып. 73. №1(292). С. 16–19.

7. Балакин, С. В. Универсальность категории «первичность / вторичность» при изучении деривационных процессов на языковом и концептуальном уровнях / С. В. Балакин // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 7. С. 87–93.

8. Балакин, С. В. Когнитивная парадигма изучения деривационных процессов / С. В. Балакин // *Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований*. 2014. С. 36–39.

9. Балакин, С. В. Принцип формирования концептов на субординатном уровне (на примере концепта «оружие») / С. В. Балакин // *Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер.: «Лингвистика»*. 2014. Т. 11. № 1. С. 79–81.

10. Балакин, С. В. Реализация деривационного потенциала концепта «игра» в концептуальном поле «политика» (на примере метафорической модели «политика – это игра» в политическом дискурсе) / С. В. Балакин // *European Social Science Journal*. 2014. 6(45). Т. 3. С. 253–260.

11. Балакин С. В. Понятие деривационного потенциала языковой и концептуальных систем / С. В. Балакин // *Вестник Ленинградского государственного педагогического университета*. 2014. № 7. С. 60–67.

12. Балакин, С. В. Когнитивный синкретизм формирования терминологического аппарата в русском и французском языках (на примере терминов железнодорожного транспорта) / С. В. Балакин // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2014. № 6. Вып. 88. С. 111–114.

13. Балакин, С. В. Основы формирования концептов гиперонимического уровня / С. В. Балакин // *Вестник Самарского государственного университета*. 2014. № 7. С. 161–165.

14. Балакин, С. В. Основные свойства пропозициональной структуры при деривационных процессах (на материале французского языка) / С. В. Балакин // *Ученые записки Казанского университета*. 2014. Т. 156, Кн. 5. Гуманитарные науки. С. 90–99.

15. Балакин С. В. Формирование префиксальных глаголов от субстантивной основы в португальском языке (когнитивный аспект) / С. В. Балакин // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2015. Вып. 29. С. 9–19.

16. Балакин, С. В. Номинативный и деривационный потенциал концепта «инвектив» (на примере французской лингвокультуры) / С. В. Балакин, А. А. Анков // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. Тамбов : Грамота, С. 24–27.

17. Балакин, С.В. Деривационный потенциал предикатов первого порядка (на материале предикатов «être», «avoir», «mettre», «faire» во французском языке) / С. В. Балакин // *Вестник университета (Российско-таджикский (славянский) университет)*. Научный журнал. 2015. № 2 (49). С. 204–212.

18. Балакин, С.В. Концептуализация при аналитической языковой деривации / С. В. Балакин // *Когнитивные исследования языка. Вып. XX. От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению*. 2015. С. 758–766.

19. Балакин, С.В. Деривационные процессы детализации и углубления в структуре макроконцептов / С. В. Балакин // *Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований*. 2015. С. 193–195.

20. Балакин, С.В. Пропозициональная основа формирования префиксальных глаголов во французском и португальском языках / С. В. Балакин // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2015. № 6 (69). С. 92–96.

21. Балакин, С.В. Исследование деривационных процессов в свете концептуально-таксономического метода / С. В. Балакин // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2016. №10. С. 206–218.

Публикации в прочих изданиях

22. Балакин, С. В. Определение количественно-качественных характеристик деривационных процессов в языке / С.В. Балакин // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев / Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 260–262.

23. Балакин, С. В. Объективация концепта «ИГРА» во французском техническом дискурсе / С.В. Балакин // Филология и культура : м-лы VI Междунар. науч. конф. 17–19 октября 2007 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев / Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 175–177.

24. Балакин, С. В. Бенефактивно-привативная оппозиция как один из видов конверсивных отношений в лексике / С.В. Балакин // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев / Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 299–305.

25. Балакин, С. В. Особенности актуализации латентного предиката «двигать» в употреблении глагола «играть» (на материале французского и португальского языков) / С.В. Балакин // Романская филология и формирование лингвострановедческой компетенции : межвузов. сб. научн. тр. Вып. 2 / отв. ред. Л.В. Абракова / Рязань : РГУ им. С.А. Есенина, 2008. С. 3–6.

26. Балакин, С. В. К вопросу о латентных предикатах / С.В. Балакин // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. / отв. ред. Н.Н. Болдырев / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 744–746.

27. Балакин, С. В. Использование деривационных полей в процессе обучения лексике иностранного языка / С. В. Балакин // Ежегодник центра Франкофонии : материалы научн.-практ. семинара преподавателей и аспирантов. Вып. 1 / отв. ред. Л.М. Ермакова / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 7–10.

28. Балакин, С. В. Понятие деривационных узлов в свете концептуальной деривации / С. В. Балакин // Вопросы гуманитарных исследований. 2009. № 8. С. 23–31.

29. Балакин, С. В. О доминировании субстантивных образ-схем во французском и португальском языках / С. В. Балакин // Ежегодник центра Франкофонии : материалы научн.-практ. семинара преподавателей и аспирантов. Вып. 2 / отв. ред. Л.М. Ермакова / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 7–9.

30. Балакин, С. В. Особенности актуализации концепта ИГРА в политическом дискурсе / С. В. Балакин // XIV Державинские чтения. Ин-т ин. яз. : материалы Общерос. научн. конф. / отв. ред. Н.П. Дронова / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 52–66.

31. Балакин, С. В. Гносеологический потенциал теории деривации / С. В. Балакин, Н. А. Кудрина // Научный ежегодник Ин-та ин. яз. 2009. Вып. 2. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 93–97.

32. Балакин, С. В. Развитие категории «спортивные игры» как пример реализации деривационного потенциала концепта «игра» / С. В. Балакин // Ежегодник Центра Франкофонии : материалы научн.-практ. семинара преподавателей и аспирантов. Вып. 3 / отв. ред. Л.М. Ермакова / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 5–9.
33. Балакин, С. В. Принципы категоризации концепта ИГРА / С. В. Балакин // XV Державинские чтения. Ин-т ин. яз. : материалы Общерос. научн. конф. / отв. ред. Л.В. Бабина / Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 65–69.
34. Балакин, С.В. Концептуальная интеграция и деривационный потенциал концепта / С. В. Балакин // Materiály VIII mezinárodní vědecko – praktická konference «Dny vědy». Praha : Publishing House «Education and Science», 2012. С. 26–28.
35. Балакин, С.В. Теория фрейма в свете концептуальной деривации / С. В. Балакин // Региональная конференция «Лингвометодические чтения» (с международным участием). Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2012. С. 29–33.
36. Балакин, С.В. Деривационный потенциал концепта (концепт игра) / С. В. Балакин // Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 203 с.
37. Балакин, С.В. Предикативная основа концептуальной деривации глагола «играть» во французском и португальском языках / С. В. Балакин // Перевод и сопоставительная лингвистика : период. науч. журнал. Екатеринбург : УрГИ, 2012. С. 99–101.
38. Балакин, С. В. Пропозициональный фрейм как основа деривации концепта / С. В. Балакин // Дни науки. Перевод и дискурс межкультурной коммуникации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.С. Пестова / Екатеринбург : УрГИ, С. 14–17.
39. Балакин, С. В. Деривационный потенциал системы русского глагола (когнитивный аспект) / С. В. Балакин // Экономика и лингвистика: пути взаимодействия : сб. материалов Международн. научн.-практ. конф. студентов и аспирантов / отв. за вып. Л.И. Корнеева. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 130–134.
40. Балакин, С. В. Когнитивная основа развития концепта «оружие» / С. В. Балакин // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты / Межвузов. сб. научн. статей. Вып.15. Тверь : Тверской гос. ун-т., 2013. С. 102–106.
41. Балакин, С. В. Парадигма современного учения деривационных процессов / С. В. Балакин // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : Международн. научн.-практ. конф. Нижневартовск : НвГУ, 2013. С. 8–13.
42. Балакин, С. В. Понятие деривации в традициях Пражского лингвистического кружка / С. В. Балакин // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания : межвузовск. сб. Вып. 5. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 6–9.
43. Балакин, С. В. Основные магистрали внутреннего развития макроконцепта / С. В. Балакин // Актуальные проблемы германистики,

романистики и русистики : сб. докл. ежегодной международн конф. / Екатеринбург : УрГПУ, 2014. С. 26.

44. Балакин, С. В. Развитие структуры макроконцепта как результат реализации его деривационного потенциала / С. В. Балакин // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : сб. докл. ежегодной международн. конф. Ч. I. Екатеринбург : УрГПУ, 2014. С. 82–86.

45. Балакин, С. В. Реверсность как характеристика развития концепта (на материале рассказа Э.-М. Ремарка «Der Fiend» и его русского перевода) / С. В. Балакин // XVII Международн. конф., посв. проблемам общественных и гуманитарных наук. М. : Центр гуманитарных исследований «Социум», 2014. С. 99–101.

46. Балакин, С. В. Этапы и признаки концептуальной деривации / С. В. Балакин // Лингвометодические чтения «Диалог цивилизаций в евразийском пространстве : материалы Международн. научн.-метод. конф. (26 июня 2014 г.). Екатеринбург : УрГЭУ, 2014. С. 158–162.

47. Балакин, С. В. Когнитивные основы формирования терминологической лексики (на примере терминов железнодорожного транспорта) / С. В. Балакин // Семинар докторантов УрГУПС : сб. науч. докл. / под. науч. ред. С.П. Баутина. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2014. С. 5–22.

48. Балакин, С. В. Математическое и лингвистическое моделирование концептуальных основ синтетической деривации / С. В. Балакин // Вестник УрГУПС. 2015. №2 (26). С. 57–70.

49. Балакин, С. В. Основы и принципы деривации на концептуальном уровне / С. В. Балакин // Семинар докторантов УрГУПС : сб. науч. докл. / под науч. ред. С.П. Баутина. Екатеринбург: УрГУПС, 2015. – С. 5–21.

50. Балакин, С. В. Основные постулаты когнитивной дериватологии / С. В. Балакин // Семинар докторантов УрГУПС : сб. науч. докл. / под науч. ред. С.П. Баутина. Екатеринбург: УрГУПС, 2016. – С. 5–11.

51. Балакин, С. В. Перспективы концептуальных исследований в дериватологии / С. В. Балакин, Л. А. Нефедова // Концепт и культура: сб. статей (VI Международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25-27 сентября 2016 г.). Кемерово – Ялта, 2016. – С. 78–83.

52. Балакин, С. В. Предпосылки учения о деривации в Европе Средневековья и Нового Времени / С. В. Балакин // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2018. №1. С. 109–114.